Ник Могилевич

Пепел и грех

NOVA FICTION

18+

Николай Николаевич Могилевич

Пепел и грех

Серия «Нова Фикшн. Эпоха гримдарка»
Серия «Понтификум», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74741576
Пепел и грех:
ISBN 978-5-17-189979-0

Аннотация

Много десятилетий минуло с тех пор, как жители Понтификума видели чистое небо. Столько же прошло с того дня, когда Скорбящий, Бог-спаситель, шагнул в логово Алой Девы – и началось великое противостояние. И пока двое сражаются в Ледяной бездне, простые люди борются за свою жизнь и за жизни тех, кто им дорог.

Палач Менд пытается остановить загадочного убийцу. Беглянка Аристея превращается в знатную даму и учится подчинять силу загадочных сигилов. Суровый солдат, известный под прозвищем Стальной Лик, пытается исполнить невозможный приказ командира.

Казематы многолюдной столицы, поля сражений в тени величественных гор, угрюмые топи – все это станет лишь шагом к самому центру заговора, грозящего уничтожить страну.

В Понтификуме правда – самый опасный дар, и тройке героев предстоит в этом убедиться.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	17
Глава 2	43
Глава 3	59
Глава 4	75
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Ник Могилевич
Пепел и грех

© Могилевич Н., 2026
© ООО «Издательство АСТ», оформление, 2026

Пролог
Никого грех стороной не обходит

В поисках добычи метель диким зверем слетела с гор Безмолвной Скорби и устремилась на юг, завывая и впиваясь жемчужными клыками во всякого неосторожного путника.

Столица Понтификума куталась в кафтаны из снега, люди в покрытых пеплом домах жались друг к другу, чтобы тепло не упорхнуло в объятия метели. Дома теснились, нависая над узкими темными улочками, иногда размыкая стены-руки и обступая широкие площади. Обычно многолюдные, сейчас они были пусты. В последние часы двести восемьдесят восьмого года в Доме Дыма – ремесленном районе Левантии – велась неспешная беседа. Старое дерево настойчиво скребло по крыше, норовя сорвать черную от пепла черепицу и услышать, о чем говорили в доме столичного палача.

– Менд, пора спать. Давай сотворим двуперстие, помолимся Скорбящему[1] и спокойно заснем. А то не дождешься подарков от святой Гиниты поутру.

Небольшая комната утопала в полумраке. Аккуратная лампадка, стоящая на табурете рядом с кроватью, проливала свет на ребенка, что натянул колючее шерстяное одеяло почти до растрепанных светлых волос. На его голову легла тонкая женская рука, пытаясь успокоить мальчика. Над кроватью висел раздвоенный железный символ Скорбящего, и тень от него обнимала мать и сына.

– Но мама, – голос мальчика, едва различимый из-под одеяла, стал будто еще тише. – Слышишь вой за окном? А что, если это грехи бродят? Вдруг они к нам заявятся?

Женщина вздохнула и еще раз провела рукой по волосам

[1] Скорбящий – верховное божество Понтификума, заступник всякого праведника. Здесь и далее – примечания автора.

Менда.

– Ты же хочешь стать святым воином, как вырастешь? Хочешь воевать с еретиками и грехами далеко на западе? Думаешь, тех, кто боится метели за окном, возьмут в святые воины? Думаешь, на плато Заката трусишки нужны? – В ее глазах светилось озорство, она явно подначивала сына.

– Хочу, – еще тише сказал Менд. Из-под одеяла показалась тонкая детская ручка. Указательный и средний пальцы коснулись закрытых глаз и через мгновение оказались у подбородка. Мама повторила за сыном священное двуперстие.

– Мама, – одеяло вновь заняло прежнее место почти у самых серых глаз, – скажи, а почему грехи злые? За что они нас погубить хотят? И еретики эти. Они такие же, как мы, так чего в драку лезут?

– Малютка Менд, я тебе уже рассказывала, – женщина тяжело вздохнула. Она прекрасно понимала, чем все закончится.

– Расскажи еще, – голос мальчика стал немного громче. Он всегда храбрился, когда хотел услышать историю от матери. – Не засну, пока не расскажешь!

– Вот оно как? – Рука женщины перекочевала с волос сына на пояс домотканого платья. – Куда же делась добродетель вежливости, Менд Винум? – голос ее на мгновение изменился.

Менд Винум знал, что, если матушка называет его полным именем, нужно срочно изобретать новую тактику. Как

святые воины приспосабливаются к новой боевой ситуации.

– Пожалуйста, мам. Ты так хорошо рассказываешь. Папа так не умеет. – Он зажмурился, выжидал.

– Лесть – это не добродетель, мой сокол, но так и быть, – женщина рассмеялась. – Ты же помнишь, кто мы такие и откуда пришли?

– Помню конечно, – Менд закивал, одеяло вновь сползло вниз. Ему не терпелось показать, что он не просто слушал истории матери, но и что-то из них запоминал. – Мы – асторы[2] и давно-предавно жили далеко-далеко на востоке, пока пепел не стал сыпаться с неба и Алая Дева не сделала жуткое-прежуткое Погребение.

– Правильно, мой сокол. Жуткое-прежуткое Погребение случилось именно из-за Алой Девы. Скорбящий остановил его, но огнедышащая гора Умбриум[3] все еще извергает пепел, с которым грех во всякого человека входит. Если бы не Двуединый колокол[4], мы бы давно потеряли разум. Помнишь, как мы ходили в Великий собор на службу?

– Помню, мама. Колокол о-о-очень большой и громкий, и

---

[2] Асторы – народ, бежавший из Ламентарума на востоке и основавший Понтификум. Большинство асторов бледные и болезненные из-за недостатка солнечного света.

[3] Умбриум – огнедышащая гора на западе Понтификума, извергающая пепел со времен Погребения.

[4] Двуединый колокол – созданный Скорбящим и помещенный на вершину Великого собора, этот величественный колокол, напитанный чистой мизерикордией, оберегает асторов от безумия, что несет пепел.

эклессиар тогда рассказывал много про Алую Деву.

– Вот, она извратила всякую душу, что внутри Умбриума обитает, навязала свои темные-претемные мысли, обратила грехами и выпустила наружу с пеплом. А теперь слушай, как все было, но не пугайся, Скорбящий нас защитит. Слушай…

Голос матери разлился по комнате, заглушил жуткую метель и перенес маленького Менда в далекие времена.

– Давным-давно мы действительно жили на востоке, а зимы были куда мягче нынешних. Вместо Левантии столицей был святой град Гебар – место, куда стекались блестящие умы, мудрецы и великие мастера. Даже понтификар[5] Мортос тогда не восседал на престоле, а был советником бога. Идар-Ваятель одарил нас чудесами алхимии, позволил нам властвовать над металлами и открыл чудо мизерикордии[6]. Он был мудр и справедлив, каждый мог обратиться к нему с тревогами и нуждами, и каждому Идар-Ваятель отвечал, направлял. Благодаря божественным дарам и неиссякаемой мудрости Ламентарум – а именно так и называлась тогда наша страна – расширился и покрывал собой запад, север и восток. Могучие Ревнители[7] приносили свет добродетели даже

---

[5] Понтификар – верховный владыка Понтификума, избранник Скорбящего среди асторов.

[6] Мизерикордия – сила, пронизавшая мир с приходом Погребения. Нити мизерикордии хаотичны, и управлять ими способен лишь посвященный в тайны плетения.

[7] Ревнители – элитный орден религиозных воителей, куда входили высшие армейские чины Ламентарума.

в самые темные уголки этого мира.

– Как наше святое воинство? – вставил Менд, и в глазах мальчика засветилось восхищение.

– Все так, – кивнула мать. – Когда Ламентарум избавил бы мир от зла и тьмы, в благословенное царство спустились бы Ламентарии[8]. Именно они послали Идара-Ваятеля с сестрой к нам, потому как понтификар Мортос истово взмолился о справедливости, о свете, что рассеет тьму, которая поглотила мир. Ему ответили, и в наш мир явились боги.

– Но мама, – снова перебил мальчик. – В эклессии[9] же говорят, что у Идара-Ваятеля не было никакой сестры и что его прокляли.

– А мы с тобой сейчас не в эклессии, – заговорщически прошептала мама. – Слушай дальше и не перебивай. Тебе же интересно, как все было?

– Интересно, – часто-часто закивал Менд.

– Тогда слушай дальше. Легионы Ревнителей вел в бой имерандис[10] Вариэль – могучий полководец, покоривший множество еретиков. Вот только власть ослепляет. Имерандису захотелось воссесть на божественном престоле самому. Он соблазнил сестру Идара-Ваятеля и вместе они намерева-

---

[8] Ламентарии – высшие божества, пославшие Идара-Ваятеля с сестрой перекроить мир по собственному замыслу.

[9] Эклессия – церковь, посвященная Скорбящему и его святым. Контролирует умы и власть Понтификума.

[10] Имерандис – высший военный чин Ламентарума.

лись лишить его власти. Понтификар Мортос был верен нашему богу до конца. Он разоблачил заговор, сурово расправился с Вариэлем. Правда, сестру бога ждало наказание еще более жестокое…

Женщина замолчала, будто обдумывая, стоит ли рассказывать дальше. Менд тем временем приподнялся в кровати и настойчиво дергал мать за рукав, требуя продолжения.

– Умбриум? Ее же сбросили туда? А потом запечатали?

– Да, мой сокол, – со вздохом ответила мать. – Когда-то мы не предавали ушедших земле, но сбрасывали в очистительные недра Умбриума по заветам Идара-Ваятеля, дабы мирская скверна не касалась их душ. Предательство сестры перечеркнуло эту традицию навсегда. Она была последней, кого поглотила гора, а Призрачные Врата, которые стерегли Ревнители, запечатали, и воители доблестно встали на их страже. Увы, никто не подозревал, что в Ледяной Бездне в глубинах Умбриума родится та, кто навсегда разлучит нас с Идаром-Ваятелем.

– Алая Дева, – со страхом произнес маленький Менд и посмотрел в окно, где в ночи чернел циклопический пик Умбриума, видный каждому жителю Понтификума. – Но почему она просто не поговорила с братом, если выжила? Вот как вы с папой. Если ругаетесь, то говорите и потом миритесь.

– Если бы все было так просто, мой сокол, – женщина вновь опустила руку на голову сына. – Никого грех стороной не обходит, даже посланников богов, а мы невольно снабди-

ли Алую Деву верными воинами. Она подчинила себе души, что томились внутри горы, извратила их, оставив лишь самые черные мысли, самые жуткие желания, и не осталось больше в Ледяной Бездне ни одной добродетельной души. Томились там лишь грехи, только и ждущие возможности отомстить роду людскому за то, что не приняли их, за то, что славили лишь добродетели.

– И потом Госпожа Грехов нашла способ снять печати с Призрачных Врат, и святые воины до сих пор бьются с еретиками на западе. Потомками Ревнителей, которые предали свою страну?

– Да, – печально ответила женщина. – Ты многое запомнил, мой сокол. Грех вездесущ, и к нему можно склонить даже праведника, если быть усердным, а у Алой Девы было все время этого мира. Как только она переманила своих тюремщиков, Призрачные Врата отворились и на небе воссияла Черная Звезда. В насмешку над путеводной звездой Ламентариев, что указывала дорогу заблудившимся путникам. Так на землю сошло Погребение, и сводящий с ума пепел отравляет нам жизнь. Если бы не Двуединый колокол, не осталось бы в Понтификуме никого, кто мог противостоять Алой Деве.

– А что же Идар-Ваятель? Он же был могучим посланником Ламентариев. Как так вышло, что он не справился? И как появился Скорбящий? – Менд уже сбросил одеяло и теперь жадно впитывал каждое слово.

– Никого грех стороной не обходит, даже посланников богов, – назидательно повторила женщина. – Как только Идар-Ваятель узнал, что произошло, он тут же ринулся к Умбриуму. Увы, сила Алой Девы возросла многократно, ибо живущих много, но покинувших этот мир в разы больше. Он пытался сопротивляться, но слишком много пепла опустилось на него, слишком много грехов нашептывало волю Алой Девы. В конце концов он потерял разум, обратившись Геральдом Погребения, и лично возглавил силы сестры в опустошительном походе с запада на восток. У асторов не было шансов.

– Пока не появился Скорбящий?

– Пока не появился Скорбящий. Понтификар Мортос собрал мастеров мизерикордии и создал Колыбель Света[11], что должна была подарить нам надежду и нового избранника, который наделен силами Ламентариев. Однако тот, кто войдет туда, навсегда потеряет человечность. Как бы ни было страшно, как бы ни было жутко шагнуть в неизвестность, такой человек нашелся, потому что ему было что защищать. Летописи не сохранили его имени, потому как смутные то были времена. Все, что мы знаем, – что из Колыбели Света вышел Скорбящий с огненным мечом, который повел оставшиеся верными Ламентаруму легионы Ревнителей в схватку с Идаром-Ваятелем. Много дней и ночей бился новый бог с

[11] Колыбель Света – устройство, напитанное чистой мизерикордией, создавшее Скорбящего.

грехами и их госпожой, но, в конце концов, сразил Герольда Погребения и загнал грехи обратно в недра Умбриума.

– Потом я знаю, что было! – вырвалось у Менда. – Пока Скорбящий загонял грехи все глубже и глубже в Ледяную Бездну, Алая Дева вновь смутила разум тех, кто остался охранять врата, и их вновь запечатали, и теперь Скорбящий заперт внутри и пытается вот уже второй Темпус выбраться наружу, но для него это очень сложно. Он ведь еще должен оберегать нас от грехов, отвечать на молитвы и всякое такое. Так что говорят, что новое Погребение не наступит, пока Скорбящий сражается. Так уж говорит эклессиар[12] Долтус, а он добрый и умный.

– Да, мой сокол, Скорбящий хранит каждого из нас. Весь народ асторов двинулся тогда в поход за новым богом и в итоге осел здесь, и понтификар Мортос основал Понтификум. Горы Безмолвной Скорби – наш щит, а твердыни на западе, востоке и юге защитят от всякого врага. Вот и вся история. А теперь пора спать.

– Мам, а Скорбящий одолеет Алую Деву? – спросил Менд, вновь накрываясь одеялом. – И я ему в этом помогу?

– Обязательно, мой сокол, непременно. – Мать поцеловала сына. – А теперь закрывай глаза, и пусть тебе приснятся только добродетели. Засыпай, а я спою тебе…

Колыбельная обволакивала вторым одеялом, и никакая метель не могла теперь напугать маленького Менда Винума.

---

[12] Эклессиар – служитель эклессии, рядовой ее член.

Где-то там, в недрах Умбриума, он бок о бок со Скорбящим дрался с грехами и, разумеется, героически побеждал.

Глава 1
Менд Винум
Последнее слово

В подвале собора Братства Погребения было темно и влажно. В затхлом воздухе витали запахи пота, горелой пло-

ти и старой кожи. На угольях стоявшей в углу жаровни раскалялся зловещий арсенал пыточных инструментов. Алые отблески плясали на стенах, выхватывая раскрытые, полные шипов объятия Левантийской Девы и стул ведьмы, на котором застыли бурые пятна крови. Под потолком висели ржавые цепи.

– Атрония Люцерния, сознаешься ли ты в убийствах добрых жителей Левантии? Сознаешься ли ты, что для совершения сих гнусных деяний ты вступила в темные сношения с Алой Девой? – В стенах подземелья голос Менда Винума, столичного мастера пыточных дел, звучал громко и твердо.

– Милосердия, мастер, прошу… – Женщина, которая лежала нагой на палаческом столе, дрожала. Свет чадящего рядом факела высвечивал ее неестественно выгнутое тело, небольшие, подрагивающие от холода груди и кустик темных волос там, где сходились ноги. – Это не я! Клянусь Скорбящим, не я!

– Тяни, – бросил Менд Винум помощнику Орису, который стоял и таращился на голую Атронию. С уголка его рта лениво капала слюна и медленно ползла по всклокоченной седой бороде. Услышав голос Менда, Орис встрепенулся и потянул за ворот. Залязгали шестерни, и женщину растянуло над столом, прижимая ее тело к острым иглам под спиной. Сталь окрасилась красным. Атрония закричала.

– Сознаешься ли ты в ужасных убийствах, произошедших в Левантии с пятнадцатого дня месяца Ржавой Службы по

сей, пятый день месяца Объятий Девы?

– Это не я-а-а! Милосердия, мастер, нет за мной злых деяний!

Менд дал отмашку помощнику, и тот замер. Рядом с пленницей лежал свиток и перо с чернильницей. Обмакнув перо в чернила, Менд торопливо вывел: «Вышеназванная дева не признает вину, несмотря на стол. По-видимому, грех обмана плотно укоренился в ее теле». На кончике языка расцвел сладковатый привкус. Женщина говорила правду, он знал это. Он всегда знал, говорят люди ложь или правду. Да, Атрония определенно не лгала, иначе Менд почувствовал бы горечь, будто от недозревших ягод. Однако настоящего убийцу до сих пор не поймали, и толпе нужен был агнец на заклание, пока дело не дошло до бунта. Винум вздохнул и снова махнул рукой помощнику.

– Что ж, Орис, быть может, освященная эклессией вода заставит ее говорить. – Голубые глаза Атронии расширились от ужаса, когда помощник закрепил ворот и извлек из-за пояса ржавую лейку. Менд принес ведро с водой и сам вставил лейку в рот обвиняемой.

Это ее сломало. Атрония дернула головой и, когда пыточный мастер ухватил ее за подбородок, прошептала:

– Сознаюсь… Сознаюсь во всем, слышите-е-е?!

– Сознаешься ли ты в умерщвлении восьми добрых жителей Левантии? – монотонно, будто на панихиде, произнес Менд.

– Сознаюсь… – Перо заскрипело по бумаге. «Обвиняемая признает вину».

– Сознаешься ли ты, что злоумышляла против владыки нашего, понтификара Мортоса? Что вступала в противоестественную связь с Алой Девой, дабы получить черные знания, коими она обладает?

– Сознаюсь…

– Сознаешься ли ты, что подписала договор с Госпожой Грехов своей месячной кровью, дабы придала она тебе сил приносить бóльшие страдания своим жертвам?

– Сознаюсь…

– Замышляла ли ты гибель людей, истово верующих в Скорбящего?

– Сознаюсь…

– Что ж, у меня более нет к тебе вопросов. Орис, ослабь веревки. – Помощник медленно вернул ворот в исходное положение, вызвав у Атронии стон облегчения.

– Хе-хе, мастер Менд, я же говорил вам, что, как дойдем до святой водицы, запоет, как соловчик. Грехи жутко ее не любят, водицу-то святую. М-да, для пособницы Алой Девы продержалась она всего ничего. Помните ту потаскуху, которая…

– Закрой пасть, Орис, не то засуну твою мерзкую рожу в уголья. Ты что-то бледноват, сделаем цвет твоего лица румянее. – Здоровяк Менд завис над маленьким тщедушным Орисом. Тот сглотнул и поспешил молча отвязать пленницу.

– Так-то лучше. Помнится, ты хотел мне что-то передать, как закончим?

– Да-да, мастер Менд, именно. Это по вашему делу, касательно мастера Тоса, – помощник вытянул из запятнанной куртки свиток и подобострастно вручил его пыточному мастеру.

– Подсоби пленнице да скажи страже за дверью, что я закончил. Пусть кинут ее в ближайшую камеру. – На мгновение Винум задумался и склонился над Атронией. – Долг милосердия велит сообщить тебе, что после признания тебя ожидает лишь виселица. Боюсь, на покаяние у тебя осталась всего пара дней. Понтификар слишком озабочен этими убийствами и повелит вздернуть тебя для успокоения толпы.

Женщина хотела было что-то сказать, но, глянув в холодные серые глаза палача, передумала. Менд развязал последний узел и оставил несчастную на попечение помощника.

Он подошел к жаровне и пристально посмотрел на печать, что алым пятном растеклась на свитке. Печать Серебряного Солнца. Теперь перед ним откроется истина. Он знал, что за одно упоминание ордена его самого могут вздернуть рядом с Атронией. Однако то, что скрывало послание, было слишком важным для юноши. Если бы не доверие к помощнику, Менд ни за что не поручил бы ему столь важное задание.

Как только дверь за спиной Ориса закрылась, Менд сорвал печать и торопливо пробежался по изящным буквам на бумаге. «Достопочтенный отпрыск топора и веревки, я не

могу доверить столь деликатные слова бумаге, посему приглашаю на встречу. Полночный час – превосходное время для свидания тех, кто хочет поговорить о казни палача Левантии. Старое кладбище в Доме Ночи. Трепетный огонь свечи будет, как и ваш покорный слуга, ожидать в покинутой эклессии. Плата, по обыкновению, все та же. Засим спешу откланяться», – в конце вместо имени было выведено солнце, застывшее над венцом понтификара.

Менд разворошил уголья и бросил послание на поживу пламени. «Что ж, пора отчитаться архисанктуму[13] Солерусу», – захватив со стола признание, пыточный мастер покинул подземелье, напоследок встретившись взглядом с черными провалами глаз Левантийской Девы. Если у него ничего не выйдет, скоро она прижмет его к себе.

Кабинет архисанктума являл собой разительное отличие от темного, пропитанного потом и кровью подземелья. Яркие солнечные лучи пробивались сквозь искусно сделанные витражи, изображающие победу Скорбящего над Идаром-Ваятелем. Благовония разливались в воздухе и неслись от курильниц у стен к массивному, украшенному резьбой столу, за которым сидел архисанктум. Белая, отделанная серебряными нитями ряса придавала ему отчужденный вид. Стоявший перед главой братства Погребения Менд в очередной раз поморщился от колких взглядов изображенных

[13] Архисанктум – один из высших чинов эклессии. Архисанктумы управляют вверенными орденами.

на гобеленах святых.

– Вы ведь хотели задать мне вопрос, юноша? – Неестественно бледное лицо архисанктума расплылось в улыбке. Правая рука в белой перчатке, унизанной драгоценными перстнями, легла на лист с признанием. Менд снова подумал, что нынешний архисанктум слишком молод для своей должности.

– По какому закону отца обвинили в измене Понтификуму? – Высокий и мускулистый пыточный мастер возвышался над изящным служителем бога.

– Ах, право, мой дорогой Менд, не правосудие людское, но правосудие божественное настигло вашего родителя, и понтификар Мортос не имеет к этому никакого отношения, – Солерус непринужденно откинулся на спинку стула. Снова этот неприятный привкус. Слишком часто Менд ощущал его на кончике языка. Слишком часто люди ему лгали, но он позволил архисанктуму продолжить. – И поверьте мне, если бы вы собственноручно не отрубили ему голову, если бы не поклялись на «Кодексе Скорби», то влажная от крови плаха приняла бы следом за родителем его сына. – Глаза Солеруса хищнически сузились. – Воистину жаль было бы терять такого талантливого, способного и покладистого служителя.

Непрошеное воспоминание пронзило разум Менда раскаленным клинком. Площадь перед Великим собором Скорбящего. Здесь собралось столько народу, что не продохнуть,

утробное урчание жадной до зрелищ толпы оглушало. Как и всегда перед казнью, люди чуяли кровь. От Менда шарахались, будто от помеченного клеймом грешника. Люди убирались с его пути, несмотря на давку. Сын палача заметил фортисов[14] – распихивая зевак, они проталкивались к нему. На их доспехах были выбиты слова святых книг – знак личной охраны понтификара. Один из стражей ткнул в Менда копьем, будто в опасного зверя, и велел идти за ним.

Так уже было множество дней, множество лет и, казалось, множество Темпусов назад. Он приходил на площадь, пробирался сквозь толпу к эшафоту и становился рядом с отцом, чтобы пережить один за другим всплески страдания и ужаса, с которыми еще один человек покидал этот мир. Чтобы пережить жадное эхо толпы, откликающейся на кровь. Чтобы увидеть, как фортисы уничтожают вышедший наружу грех.

Камни Соборной площади стучали в ритме шагов сына палача. Они напоминали ему о первой казни, которую он здесь увидел. «Помнишь тот день, малыш? – гулко шептали они. – Помнишь, что ты чувствовал, впервые увидев кровь, впервые узнав смерть?»

Менд вновь видел, как опускается на шею какого-то еретика топор отца. Что он тогда сказал столичному палачу?

---

[14] Фортисы – воины святых орденов на коротком поводке эклессии. Фанатичны и преданы ей до последнего вздоха. Призваны бороться с врагами веры и искоренять их.

Что скажет камням, которые помнят все, теперь?

– Это просто воспоминания, – прошептал пыточный мастер, проталкиваясь за фортисом. В сопровождении святых воинов Менд без труда прошел сквозь толпу на помост для лордов и леди Гербов, возвышающийся посреди площади напротив эшафота. Навес от жары прикрывал аристократов от палящего солнца. Обитые бархатом стулья уже были заняты. Занят был и изящный деревянный трон для понтификара. Менд пробирался меж лучших людей Левантии. Кто-то успевал обернуться и с отвращением отшатнуться назад, кто-то лишь неосознанным, брезгливым жестом подбирал подол парадного одеяния. Для них сын был таким же изменником, как и его отец.

– Кинь бешеному псу кость и сможешь забыть про его острые зубы. – Сын палача слышал обрывки разговора. – Все они рычат и воют до тех пор, пока на загривок им не ляжет твердая рука. Главное – не бояться шавок, не отводить взгляда, смотря им в глаза. Тогда тебя не тронут.

– Да разве кто-то боится шавок? Помилуйте! Пара мятежников и тщеславных глупцов-заговорщиков – чего тут бояться. Понтификар прав как никогда. Пусти немного крови – и увидишь, как бешеный пес превратится в пастушью собаку.

Аристократы расступились, и перед Мендом возник трон. Перед ним уже стоял на коленях Орис, его редкие седые волосы облепили мокрый от пота затылок. Острие копья кольнуло юношу в спину, и он опустился на колени перед понти-

фикаром.

Мортос не молод, не хорош собой, не так высок, как отец, или могуч, как сам Менд. Однако его плечи кажутся широкими из-за гордой осанки, а пристальный взгляд умных карих глаз пронзает насквозь. Наверное, так и полагается тому, кто правит Понтификумом уже три сотни лет.

На нем тяжелая мантия, обитая черным мехом, но жара, кажется, совсем не беспокоит Мортоса: летнее марево дрожит над ним вторым венцом, не касаясь и не обжигая. Два десятка сверкающих белых колокольчиков на богато украшенном поясе мерно колышутся, но не издают ни звука.

По одному скупому жесту понтификара на помосте воцарилась тишина. Кажется, все кругом затаили дыхание:

– Твоя семья, юноша, верой и правдой служила мне с момента моего божественного воцарения. Но прискорбные обстоятельства нарушили ход вещей. Увы, твой отец оказался изменником. Левантии и святой эклессии нужен новый палач. По традиции им должен стать ты. И все же, моей милостью и милостью архисанктума Солеруса, я дарую тебе выбор: с завтрашнего дня стать новым палачом или отказаться от семейной привилегии. Выбор за тобой. Решай, – тихий, теплый голос понтификара слышал каждый человек на площади. Менд не опустил глаза перед правителем и заметил, как он улыбнулся. Юноша не смог разгадать смысл той улыбки.

– Повинуюсь божественному закону, – вот и все, что смог

тогда ответить Менд. Горло будто сдавило железной рукой.

– Милость Скорбящего и моя милость к тебе не знает предела, юноша. У меня нет желания нарушать традицию. Раз уж ты становишься новым палачом Левантии, можешь продемонстрировать свои умения и верность прямо сейчас. Как видишь, у тебя есть работа, – понтификар медленно поднял руку, и тонкий палец указал на эшафот, где на коленях перед колодой стоял отец Менда. Новый столичный палач лишь медленно кивнул и, будто во сне, побрел на помост для казней.

Во рту разлилась горечь. В следующий миг перед глазами возникло черное древко отцовского топора, а за ним и убийственно острое лезвие, воткнутое в колоду. Менд судорожно вздохнул и услышал презрительное хмыканье. Орис отступил в сторону, его глаза горели. Старику всегда хотелось избавиться от Тоса Винума. Жаль, не получится сделать это собственными руками, но вид мучений Менда, похоже, доставил ему извращенную радость.

Юноше нельзя показывать страх. Толпа почует его.

– Последнее слово, – глухо пророкотал юноша. Отец Менда только молча кивнул, и Орис толкнул его на колоду. Менд вскинул топор над мускулистой шеей, и тогда отец улыбнулся, будто сын правильно выучил урок. Сквозь рев толпы юноша слышал, как он прошептал: «Беглянка уже далеко…»

Лезвие стремительно опустилось, рассекая знойный летний воздух. Чистая работа. Голова Тоса Винума прокатилась

к краю эшафота. Менд прошел вдоль теплого кровавого следа и поднял ее за волосы вверх. Это традиция: преступник должен увидеть, как народ принимает его смерть, он должен взглянуть на монументальный собор Скорбящего.

Ликующие крики едва не сбили нового палача с ног. Менд отшатнулся назад и вдруг увидел, как из тела отца начинает вытекать вязкая черная смола, постепенно становясь одним из грехов Алой Девы. Сын встретился взглядом с мертвыми глазами Тоса Винума, моргнул, и в следующее мгновение перед глазами оказался архисанктум Солерус.

– Однако для меня все равно остается загадкой, почему я до сих пор при деле. Я пробыл подле отца достаточно времени, чтобы знать, что изменников и их родственников либо казнят, либо изгоняют, – Менд подошел к витражу и взглянул на простиравшуюся внизу многолюдную Левантию.

Чудовищно огромный Великий собор Скорбящего бросал тень на множество теснящихся жилищ бедняцкого Дома Ночи, на роскошные дома лордов и леди Гербов Дома Службы, на мастерские и кузни Дома Дыма, на эклессии и часовни Дома Благости – вся столица будто бы находилась во власти этого громадного сооружения. Стекла задребезжали от глубокого, наполненного печалью звона.

– Ах, если бы не возведенный благодаря чуду мизерикордии Великий собор Скорбящего, страшно представить, в кого бы мы обратились. Серый Саван не щадит никого, мой дорогой Менд, а потому истово молитесь, дабы Двуединый

колокол не умолк. – Солерус занял место рядом с пыточным мастером и, указывая на Левантию левой рукой, облаченной в черную перчатку, продолжил: – Братство Погребения милосердно приняло вас в свои ряды по причинам, известным лишь понтификару Мортосу. Усердно трудитесь на благо веры и закона, и тогда вам откроется ответ. Взгляните, – служитель указал на Дом Ночи, где беднейшие сервусы[15] ежедневно боролись за свои жизни. – Мой дорогой Менд, вы можете управлять толпой. Своими трудами вы избавляете Левантию от грешников.

– Возможно, вот только грехи все равно плодятся и насыщаются страхом и ужасом, которыми их кормит Мучитель. Смерть и ужас – знатные лакомства, архисанктум. Уж надеюсь, что ваши ищейки скоро настигнут убийцу. Скоро никакие казни не смогут удержать сервусов. Атрония Люцерния во всем призналась, но опасаюсь, что таких дев на заклание осталось немного. – Менд скрестил руки на груди и наклонил голову, глядя на архисанктума.

– Старания братьев ордена Тихой Благости – не ваша забота, мой дорогой Менд. Мы отыщем это чудовище и тогда передадим его в ваши руки. А сейчас отправляйтесь домой. Казнь назначена на завтрашний полдень. Покажите толпе пляску висельника. Накормите ее до отвала и помните – благость превыше греха, – архисанктум приложил указательный и средний пальцы к закрытым глазам и провел ими вниз

[15] Сервусы – крестьяне, низшее сословие Понтификума.

до подбородка. Менд машинально повторил двуперстие.

– Благость превыше греха. Всего хорошего, архисанктум, – пыточный мастер подал руку служителю на прощание, но тот коротко кивнул и вернулся за стол. – Трудитесь усердно, – мрачно улыбнувшись, Менд покинул комнату.

* * *

Сын палача вышел из собора Братства Погребения на закате, когда тусклые рубиновые лучи прорезали утробу серых туч и окрасили падающий пепел багрянцем. Закат предвещал закрытие подгнивших ставен и тяжелых дубовых ворот. С узких, воняющих грязью и дерьмом улочек спешила убраться ободранная, голодная, шумная и сварливая толпа: лоточники и рабочие, торговцы и покупатели, сервусы из ближайших деревень и продавцы оберегов от грехов, леди и их слуги, каменщики и подмастерья.

Алый плащ заката опускался теперь на других обитателей города, которые выбирались из своих утлых домишек или из-под куч мусора: шлюхи и шельмы, нищие и перекупщики, воры и головорезы, гуляки и темные дельцы. Они не боялись темноты и рыщущих по улицам грехов. Дневной хоровод заканчивал очередной свой круг, и начинался хоровод ночи. Ночь была опаснее, но чем-то привлекательнее.

Несмотря на увещевания и мнимые заботы эклессиаров Скорбящего, на улицах все еще сидели те, кого не коснулась

божья милость. Они протягивали покрытые пеплом руки и стенали о милосердии. Слабые умирали, становились сосудами для греха, сильнейшие же выживали и вырастали во всем великолепии огромной Левантии.

Менд глубже натянул капюшон, чтобы скрыть палаческий знак, и тут же отскочил от телеги, что на полном ходу пронеслась через улочку, увернулся от ремня возницы и врезался в древнюю старуху. По спине камнями забарабанили привычные проклятия.

Какой-то нищий с перекошенным, изъеденным чирьями лицом, дернул Менда за тунику.

– Во имя Скорбящего, добрый господин, пару медных виктимов, прошу. – Он трясся и брызгал слюной. Менд отсчитал пять медяков и склонился над нищим. Тот, увидев выжженные на лбу линии, попытался отползти к стене дома. Менд не позволил. Крепко ухватив нищего за руку, он вложил монеты меж тонких пальцев и сотворил двуперстие.

– На краюху хлеба за Атронию Люцернию. Приходи завтра к полудню на площадь Лиходеев, помолись за ее душу. Помолись за то, чтобы грех не покинул ее тело. – Нищий не ответил, лишь еще больше сжался в комок.

Сын палача поднялся и направился к просвету между нависавшими друг над другом лачугами. У кренящегося набок дома стоял красномордый торговец в отороченной мехом шапке, а подле него примостился деревянный лоток с овощами. По грязи бодро вышагивал босоногий паренек и

таращился на фасады городских построек, не замечая лотка. Он споткнулся, нога задела доску лотка, и вот тот рассыпался, овощи полетели на землю. Без разговоров торгаш развернул зеваку на себя и ударил кулаком в лицо. Паренек повалился, но торговец не остановился. Бил долго, до крови, не обращая внимания на вой и крики. Менд покачал головой и прошел мимо.

Через несколько минут улочка оборвалась, и перед Мендом открылась площадь – широкое пространство, заставленное сотнями грязных лавок и лотков. Хотел бы сын палача затесаться среди этих людей, да только на площади любой, завидевший рослую фигуру в багряной тунике, спешил убраться от нее поскорее. Взгляд Менда упал на широкий помост, на котором были установлены балки: три вертикально и две поперечно. Завтра ему предстоит вздернуть на нем очередную жертву закона.

Взгляд оторвался от виселицы и устремился вверх, к собору Лиходеев, где эклессиары возносили молитвы за упокой душ отъявленнейших мерзавцев, дабы их грехи не вышли на улицы Левантии после казней. Кровавые лучи расщеплялись на острых черных башнях собора. По телу пыточного мастера пробежала дрожь при виде стрельчатых, возносящихся к небу шпилей, мощных колонн, огромных контрфорсов и мрачных карнизов, украшенных множеством чудовищ и бестий, скалящих в ухмылке зубы. Собор Лиходеев собрал все известные людскому роду грехи, дабы сервусы,

узрев детей Алой Девы, склонялись к добродетели. Большие ниши под навесами крыши глядели на него, будто уродливые глаза Госпожи Грехов. Где-то ее слуга прямо сейчас готовил очередное злодеяние против спокойствия и мирной жизни горожан.

– Когда тебя поймают, я на твоем примере покажу жителям Левантии, как жестоко бывает божественное правосудие, – прошипел Менд и свернул к Дому Дыма, району, где находился фамильный дом столичных палачей.

* * *

Менд скрипел половицами. Вечные сквозняки гуляли по комнатам еще в пору, когда дом достался деду Менда вместе с должностью палача. До ушей донесся грохот хлопнувшей в глубине двери, а по крыше снова заскребло ветвями старое дерево. Наконец он добрался до комнаты отца: не очень просторного, но теплого помещения в центре дома. Здесь все еще витал запах Тоса Винума – едва ощутимый, привычный, понемногу сгорающий в огне большого камина. Через единственное окно на пыльные доски пола просачивался серый лунный свет. Менд запалил свечу и сел на кровать. Где-то в дневнике отца должна была быть заметка о тех, с кем ему предстоит встретиться нынче ночью. Отец всегда делал важные для себя записи в этом увесистом, оплетенном кожей томе. «Труд всей моей жизни», – не раз слышал Менд сло-

ва отца. Пальцы водили по шершавой пожелтевшей бумаге, пока глаз не зацепился за нужные слова.

«Святая эклессия издала специальный эдикт, призванный уберечь от нечистоты. Теперь только эклессиары, врачеватели и палачи могут прикасаться к мертвым. Обмывать тела зовут сестер скорби, а до кладбищ мертвецов перевозят гробовщики. Любой другой человек без особого ярлыка эклессии за прикосновение к трупу подлежит казни через отсечение рук и повешение».

Тос Винум недолюбливал эклессию и вряд ли подобные запреты могли его пугать. Лишний мешочек золотых ведисов всегда был отличным подспорьем. Ведь семью нужно было кормить. Наверняка за столько лет у бывшего столичного палача отыскались проверенные люди, правда, были ли они из ордена Серебряного Солнца?

Ниже мелким почерком была выведена приписка: «Старая эклессия на кладбище Дома Ночи. Мертвец зорко следит за свечой даже в посмертии. Поджидает благодетель. Тело его – средоточие золота. Нужно вести разговор осторожно. Солнце немилосердно опаляет».

Менд нахмурился. Отец опасался этих людей, но у сына выбора не было. Думая о Тосе Винуме, Менд ощутил растерянность и пустоту в груди. Придется справляться самому. Спрятав дневник, юноша спустился по старым крошащимся каменным ступеням в холодный подвал, где на покрытом побуревшими пятнами столе его дожидался Дирус Синяя Мор-

да – мертвый егерь, которого он вздернул не далее как два дня назад. На тонкой бледной шее явственно проступал черный след от веревки.

– Хорошо, что ты всего лишь браконьерствовал. Покупатели тел не любят, когда товар им доставляют порченным. Сейчас бы Ориса сюда, но он напортачит, – приговаривал пыточный мастер.

Голова преступника нырнула в заготовленный заранее мешок. За головой последовал и весь Дирус. Через мгновение Менд уже затягивал узел и взваливал мрачный груз на спину. Заперев за собой дверь и убедившись, что за ним никто не следит, он пустился в путь, сопровождаемый лишь ветром и хлопьями пепла.

За домом узкая улица поднималась на холм и вскоре переходила в поросшую вереском тропинку. Даже раньше, когда этот район не был заброшен, здесь ходили нечасто. Теперь же остовы покинутых домов, еще не рухнувшие под гнетом времени или запустения, отгоняли любопытного прохожего вернее злых псов. На вершине холма, меж плоских камней, выступающих из земли, будто кости, компанию Менду и его мертвому спутнику составляла лишь жесткая трава, резкий ветер и далекие звуки ночной городской жизни. Отсюда открывался вид на неприветливый погост. Обостренное восприятие ощущало впереди, между надгробных камней, струйки дыма. Их призрачные пальцы поднимались из едва тлеющих багровым светом провалов. Именно поэтому пон-

тификар и запретил хоронить мертвых на этом холме. Погост постепенно уходил под землю. Впереди, в самой середке обиталища покойников, одиноким клыком торчала угловатая эклессия, угольно-черная, отчетливо видная даже в темноте.

Менд торопился, не хотел, чтобы кто-нибудь увидел его здесь вместе со страшным грузом. Покрытые надписями и полустертыми рельефами надгробия, казалось, приходили в движение в обманчивой темноте. Уродливые чудовища и каменные змеи свивались на каменных обрамлениях могильных плит, отпугивая смельчаков, которым вздумалось бы нарушить покой мертвых. Голые, еще не оправившиеся после суровой зимы деревья возносили к небу свои кривые ветви. Вот перед Мендом выступило вперед квадратное основание эклессии. В подвальном оконце мерцал огонек, издалека неотличимый от холодного свечения лесных гнилушек. Пришлось напрячь зрение, чтобы понять: это действительно пламя свечи. Значит, его ждут. Вопрос в том, кто именно?

Менд оставил мешок с трупом за треснутой стеной здания и подошел к перекошенной гнилой двери. Снял с пояса отцовский топор и постучал. Никто не отозвался. В щелях между просевшими досками замаячил свет, и дверь отворилась. На пороге стоял могучий, ростом с Менда, человек в серой рясе, который держал в руке факел. Широкий, похожий на блюдце глаз изучающе смотрел на Менда. Вместо другого глаза в свете факела мерцал шар из цветного стекла.

– Что нужно доброму человеку в опустевшей обители Скорбящего? Полуночный час предназначен для отдохновения души и тела, – голос его оказался на удивление мягким. Человек поднял факел повыше и высветил цеховой знак на лбу Менда. – Ах, вижу, что ко мне пожаловал отпрыск топора и веревки. Однако я не вижу уговоренной платы.

– За углом, – отрывисто бросил юноша и приволок мешок. Развязав узел, он продемонстрировал содержимое крепышу.

– За вами никто не следил?

– Когда добрый люд видит палача с большим мешком, они предпочитают опускать глаза и никогда не вспоминать о том, что видели, – глухо проговорил Менд. Незнакомец удовлетворенно кивнул и дал знак следовать за ним. Менд перекинул труп через плечо и, не выпуская топор из руки, прошел под свод эклессии. Дохнуло пылью, свинцом и разложением. Спутник Менда прошел между рядами разломанных скамей и свернул в боковой неф[16]. Остановился у арки, где начинался спуск в катакомбы.

– Нет нужды в оружии, мой друг. Я здесь совершенно один. Уберите орудие палаческого промысла и представимся, как и подобает ведущим серьезные дела людям, – он протянул мускулистую руку. Сладкий привкус на кончике языка говорил, что этот человек не лжет, но Менд все равно со-

[16] Неф – вытянутое помещение, часть интерьера эклессии, ограниченное с одной или с обеих продольных сторон рядом колонн или столбов, отделяющих его от соседних нефов. В нефе располагаются места для прихожан.

мневался. Однако протянутая рука сбила его с толку. – Нихилус Дераль.

– С чего бы лорду Гербов здороваться с заплечных дел мастером? Не боитесь, что на вас падет проклятие? – усмехнулся Менд, но руку пожал.

– Меня не волнуют предрассудки и суеверия, мастер Менд. Меня волнует результат, которого я достигаю.

– Если уж вы действительно лорд Гербов, где же перчатка благости на вашей правой руке? – спросил юноша, прищуриваясь.

– Не пристало сервусам видеть своего господина за неприглядной работой, – ответил Нихилус и, сверкнув глазом, ступил на первую ступеньку, ведущую вниз.

Менд только хмыкнул. «Любой проходимец может представиться лордом Гербов, да вот только ни колокольчиков, ни перчатки при тебе нет, Нихилус. А ведь белую ткань запрещается носить всем, кроме святых воинов, эклессиаров и аристократов. Сервусы могут помышлять о белом цвете только в праздники», – подумал сын палача, однако вслух спросил лишь:

– Чего же вы хотите достигнуть, лорд Дераль?

– Я продемонстрирую это внизу, в погребальных залах. Идемте, – Нихилус сделал приглашающий жест и ступил во тьму.

Менд последовал за лордом в темный проход. Влажные, покрытые грибком стены источали гнилостный запах. Эхо

шагов заглатывала обитающая здесь тьма. Спустя несколько ударов сердца факел Нихилуса высветил пожелтевшие от времени кости. Крошащиеся черепа глумливо ухмылялись из украшенных святыми символами ниш. Алые отблески падали на равнодушных каменных воинов, которые возлежали поверх крышек саркофагов.

– Прискорбно, что такие благородные мужи обратились в прах. Прискорбно, что души их будут созерцать действо, которое сейчас будет происходить. – Лорд указал на саркофаги, что окружали подпирающие потолок колонны.

– Что вы собираетесь делать? Что сейчас будет происходить? – Менд начинал терять терпение. Возможность узнать об отце начинали перевешивать опасения. Проклятый лорд темнил. Был ли он тем, за кого себя выдавал?

– Всему свое время. Уж кому как не пыточному мастеру важно терпение, – откликнулся Нихилус. – Еще пара десятков ступенек, и окажемся на месте.

– Терпение играет с мастером злую шутку, когда время поджимает, и сейчас именно такой случай, лорд Дераль. – Менд напрягся, рука крепче сжала рукоять топора. В любой момент он ожидал, что из-за темных углов на него набросятся люди Нихилуса. Миновав погребальный зал, они спустились еще ниже, в маленькую молельню. Лорд подошел к покрытому грязными багровыми пятнами алтарю и провел рукой по шершавому камню. На спешно сколоченном деревянном столе были разложены наточенные инструменты: пилы,

топорики и ножи.

– Кладите тело сюда. Осторожнее. – Нихилус установил факел в проржавевшее кольцо на стене и помог Менду уложить труп на алтарь. – Как хорошо, что ваш отец позаботился о том, чтобы в подвале было холодно. Отличный образец. Крепкий, сбитый. Любопытно, – он провел толстыми пальцами по бледной коже трупа, и губы тронула слабая улыбка. – Вы же знаете, что грехи человеческие при смерти покидают тело?

– Да уж знаю, на казнях служители Скорбящего об этом соловьями распевают. Что уж там, я это своими глазами видел, – проворчал Менд.

– Далеко не все грехи покидают тело, мастер Менд, лишь особо мерзкие, особо темные остаются внутри и медленно разрушают тело, чтобы выбраться наружу и свободно разгуливать по бренной земле в поисках нового, слабого духом человека, дабы продолжать творить злодеяния, подчинив его волю. – Стеклянный глаз переливался в огненных отблесках.

– Мне нет дела до эклессиаров и их трепа. У меня своих грехов довольно.

– Я надеюсь, что мы с вами продолжим сотрудничать, ибо извлечение грехов из тела – весьма непростой процесс, а уважаемые служители Скорбящего, – Нихилус издевательски изобразил двуперстие, – вряд ли позволят мне откапывать тела.

– Зависит от того, что вы мне расскажете. За что отца при-

говорили к казни? Кто это сделал? Я слышал голос обвинителя, но не узнал его. Расскажите, что знаете, и покончим с этим. – Ястребиный взгляд Менда, казалось, нисколько не смутил лорда. Он ответил ему рассеянным взглядом, в котором читалось… сочувствие?

– Я был в тот день в соборе Погребения. Неудивительно, что вы не узнали голоса обвинителя. Лорд Нитус Эшераль редко посещает столицу. – В глазах Менда загорелся недобрый огонек. Нихилус вскинул руку, призывая юношу к спокойствию. – Прошу, дослушайте до конца, а выводы будете делать позднее. Большую часть времени он командует одним из святых легионов на плато Заката. Он могущественный круциарий[17] и патриарх своего Герба, которому подвластны двенадцать сигилов[18]. – Лорд Дераль взял в руки пилу и примерился к ноге трупа.

– Отец всегда был верен Понтификуму и Мортосу! Что он сделал? – голос Менда заполнял маленькую молельню.

– Помог сбежать одной юной еретичке. Из тех, кто не хотят служить понтификару Мортосу и предпочитают исполь-

---

[17] Круциарий – посвященный в тайны мизерикордии и плетения. Только круциарии знают священные формулы и ритмы, чтобы подчинять плетение своей воле. Привилегия, доступная лишь лордам и леди Гербов, а также особо доверенным слугам эклессии.

[18] Сигилы – символы, повторяющие узоры плетения мизерикордии, которые наносят на тела круциарии, однако процесс нанесения сигила может убить круциария, а потому посвященные стараются не рисковать, закрепляя один сигил за Гербом.

зовать силы мизерикордии ради своего блага.

– Где эта девка?! – взревел Менд и обрушил топор на стену. В воздух взвилась каменная крошка и пыль. Нихилус заслонил собой труп.

– Прошу, обуздайте себя, мастер Менд. Я лично следил за транспортировкой этой юной особы. Ее зовут Аристея. Мы с гильдейскими мастерами отправили ее в компании еще одного беглеца прочь из столицы, когда прошлое лето еще было молодо. Однако хорошенько все обдумайте, мастер Менд. Не советовал бы вам лишать жизни умелого командира, – покачал головой Нихилус.

– Оставьте свои советы при себе, лорд Дераль. Этого разговора не было. Прощайте. – Менд развернулся и исчез в темной пасти катакомб. Вслед ему несся звук распиливаемой плоти.

Глава 2
Аристея
Бегущая подобно потоку

Увядающая луна заглядывает сквозь прохудившуюся крышу, роняя бледные серебристые лучи, которые падают на

раскрошившийся алтарь. Витражи щерятся разбитыми стеклами, а по колоннам трансепта [19]вьются лозы, облепленные светлячками. Некогда богатую мозаику на каменном полу теперь скрывает мох. Неясные тени клубятся в углах боковых нефов, перешептываясь о делах давно минувших лет. Все указывает на то, что эта одинокая эклессия давным-давно заброшена, если бы не едва заметные огоньки свечей в дальней капелле. Над полуобнаженной девушкой склонился низкий мужчина в вышитой звериным узором тунике и плаще. В тонких пальцах зажаты узкие стальные иглы. Рядом примостилась медная чаша, в которой дожидался нужного мгновения вязкий кроваво-красный раствор. Незнакомец готовился к нанесению второго символа на спине девы.

– И пойдет праведник на врага бога. Уста его будут устами Скорбящего. Колокол его погребальным звоном низвергнет врагов веры. Руки его зачерпнут милость из глубины души. Благость превыше греха.

Глубокий голос мужчины уносился к расписанному потолку. Святые со стертыми лицами безразлично взирали на чужаков. Иглы опустились в чашу, окрасились красным и приступили к ритмичному танцу на спине девушки. Перед каждым новым уколом мужчина делал в воздухе стежок, будто захватывал эфемерную нить. По бледной коже яркими ручейками потекла кровь. Дева стоически терпела, лишь изредка подрагивали светлые кудри. Вскоре рядом с уже нане-

[19] Трансепт – участок эклессии, пересекающий центральную часть – неф.

сенным символом появился другой, а чаша опустела.

– Можешь облачаться, Аристея. Второй сигил нанесен. Мне нужно промыть инструменты, – пробасил мужчина. Нанесение символа отбирало много сил. Слишком ценен был порошок, из которого делался раствор. Всегда необходимо было быть сосредоточенным, иначе вместо благословения он мог обречь девушку на проклятие, зачерпнув черные помыслы Алой Девы.

– Да, доминус[20] Валеад, – кротко произнесла девушка. Валеад отер выступивший на лбу пот, собрал инструменты в холщовую сумку и удалился. Колокольчики из белоснежного металла мерно покачивались в такт его шагам. Аристея надела рубаху, а поверх нее стеганую куртку. Поморщилась от боли, когда ткань коснулась свежих ран.

– Свечи – свидетельницы многих тайн. Пора засыпать. – Девушка задула трепещущие огоньки и осталась наедине с лунным светом и таинственными звуками. Где-то раздался плеск, будто в воду упало что-то тяжелое, где-то ночь огласил злобный рык, а где-то беспокойная птица выводила тревожные трели. Аристея взглянула на выбитое в камне лицо Латерния-Путника, святого, исходившего все добродетельные пути, и отвела взгляд, не в силах смотреть на статую. Затем направилась к алтарю, где были разложены их скудные пожитки.

Очистив небольшой участок пола, она разложила на ка-

[20] Доминус – наставник, учитель.

менных плитах заготовленный ранее хворост. Мох послужил отличной растопкой. Несколько отточенных движений, и в воздух взвилась тонкая струйка дыма. Искра, и вот пламя уже робко лижет мох, а среди руин эклессии зарождается тепло.

Аристея плотнее запахнула стеганую куртку и уселась ближе к разгорающемуся костру. Весна в этом году не была щедра на тепло, приходилось разводить огонь, каждый раз опасаясь, что их заметят и схватят. Через несколько минут вернулся Валеад и присоединился к ней. Его узкое лицо было бледнее обычного, а руки тряслись.

– Ты хорошо перенесла нанесение сигила, Аристея. – Он снял плащ и накинул его на плечи девушки. Та благодарно кивнула. – Гораздо лучше, чем в первый раз.

– Я не знаю почему, доминус, но с каждым новым уколом я чувствовала, будто меня касаются чьи-то пальцы. Теплые, нежные прикосновения, – она подняла зеленые глаза к далекой алебастровой луне. Боль понемногу отступала, а костер, наконец, разгорелся.

– Такова природа мизерикордии, девочка. Скорбящий чувствует твою боль и стремится дать тебе силы справиться с ней. Сигил Хаверум придаст тебе стойкости для предстоящих дел. – Валеад посмотрел на свою подопечную единственным глазом и тепло улыбнулся. – Порошка из фленитита[21] должно хватить на десять оставшихся сигилов.

---

[21] Фленитит – кроваво-красные кристаллы, которые деликторы извлекают из

– Доминус, но откуда вы знаете дюжину сигилов? Только главам Гербов дозволено наносить их все. Остальные лорды и леди довольствуются одним, – сказала Аристея и пристально посмотрела на своего учителя. Тот хитро улыбнулся и присел рядом.

– Я бы не отказался быть патриархом Герба, Аристея, но, увы, я всего лишь беглый круциарий, как и ты. Таинству сигилов меня научили другие беглецы. Если бы не это знание, я бы не вытащил тебя из Пурпурных Покоев.

– Не напоминайте мне про узилище, доминус, – девушка опустила голову. – Вы не сидели там несколько месяцев среди кристаллов, которые причиняют носителям мизерикордии нестерпимую боль. Вас там не было, – голос Аристеи сделался жестким.

– Прости, девочка. Не хотел бередить старые раны.

– О, муки Пурпурных Покоев покажутся сладким сном, если нас найдут силентиары[22]. Даже наших общих сил не хватит, чтобы избавиться хотя бы от одной этой твари. Я слышала, что мизерикордия бессильна против них. – Аристея протянула руки к костру.

– Я не буду тешить тебя пустыми надеждами, что есть способ одолеть их, но в этот проклятый край они сунутся в последнюю очередь. Голодные топи могут поглотить даже си-

---

некоторых особо черных грехов. Истолченный в порошок, служит для нанесения сигилов.

[22] Силентиары – охотники на круциариев, не желающих служить Понтификуму.

лентиара. – Валеад поднялся и снял с пояса один из колокольчиков. – Но хватит о мрачных силах, которые нам противостоят, лучше попробуем узнать, как ты контролируешь плетение мизерикордии.

– Вы выглядите нездоровым, доминус. Отдохните. Я вижу, что отвар забрал большую часть сил, – Аристея обеспокоенно смотрела на своего учителя, и внутри зарождались первые ростки страха. Что, если Валеад не доведет обещанное дело до конца? Она снова останется одна. Снова будет скитаться по землям Понтификума, пока ее не отыщут охотники за мизерикордией.

– Я привычен к действию эликсира Греховного Сна. Дело в ней, – Валеад извлек из сумки иглу. Сталь блеснула в свете костра. – Сигил не берется из ниоткуда. Даже порошок фленитита не дает возможности управлять мизерикордией. Только верно составив узор, соединив нити плетения с твоей душой, можно напитать сигил силой. Но это… – Валеад поморщился, попытался унять дрожь в руках. – Это пройдет. Лучше бы тебе обуздать плетение и научиться хорошенько управлять нитями, девочка, чтобы мои старания не пропали даром.

Аристея поднялась и приняла белый колокольчик. Несмотря на небольшой размер, он был довольно тяжел.

– Доминус, а почему бы не делать колокольчики из более легких металлов?

– Увы, Аристея, только когитион[23] способен извлекать из себя сопоставимый с мизерикордией звук. Только круциарии могут слышать, как они звучат, и в этом наше преимущество. Учти, что на тебе их будет несколько, так что нужно привыкнуть к их весу. Теперь закрой глаза и сосредоточься на первом сигиле. Клеа – жизнь. Медленно подними руку с колокольчиком и веди ее вправо, затем влево. – Девушка подчинилась. – Теперь псалом сердцу твоему.

– Единая кровь, источник жизни. Бегущая подобно потоку. Приводящая в движение члены наши. Откликнись на мой зов, – ученица зашептала слова молитвы. Первый сигил отделился от спины, рассыпался на десятки невесомых нитей и устремился через разбитые витражи наружу. Тихий, едва различимый звук проник в старую эклессию. Его могли слышать только Аристея и Валеад. Журчание ручья, шелест древесных крон, дыхание ветра и пение птиц – все слилось в едином звуке, который издавал колокольчик. Через мгновение его заменил другой звук: ритмичный, пульсирующий, будто стук сердца.

– Теперь отсеки все лишнее, Аристея. Ничто не должно помешать тебе в поиске жизни. Сколько сердец бьется вокруг этой эклессии? – Валеад наблюдал за ученицей. Брови ее поднимались и опускались, губы напряглись. Она сили-

---

[23] Когитион – редкий белый пористый металл, который добывают глубоко внутри Умбриума. Считается священным, из него делают колокольчики, контролирующие поток мизерикордии.

лась исполнить поручение доминуса. Прошло несколько минут, и Аристея открыла глаза. Колокольчик замер в руке.

– Дюжина, доминус. Дюжина сердец бьется рядом с нашим убежищем. Две цапли, семь жаб, выдра и две черепахи, – девушка выдохнула и вернула колокольчик Валеаду. Тот повторил движение ученицы и через несколько секунд сказал:

– Ты забыла о маленьком тритоне, который свернулся под порогом этой обители. – Доминус вернул колокольчик на пояс и хлопнул девушку по плечу. – Недурно, девочка, недурно.

– Столько звуков, столько образов. Я… Ах! – Аристея схватилась за голову и чуть не упала, однако ее вовремя поддержал Валеад. Учитель опустил ученицу на мягкий мох.

– Сигил Клеа вернулся. Приучи разум гасить яркую вспышку, которую он вызывает. Рвение похвально, девочка, но оно может обернуться против тебя. Мизерикордия управляется истовым желанием соединить душевные силы с молитвенной формулой. Одно не должно перевешивать другое, – учитель покачал головой. – Нам нужно отдохнуть. Завтра мы отправляемся в Падаль. Нам нужны припасы. Одной солониной сыт не будешь. – Валеад усмехнулся в бороду и помог Аристее устроиться на подстилке. – Добрых снов, девочка. Ты отлично справляешься.

* * *

– Я что-то слышу, доминус, – негромко произнесла Аристея. Сумрачная чаща шелестела на тысячу ладов. В стылом воздухе пролетали алые листья болотных деревьев. Девушка поправила капюшон плаща и оглянулась. Ей казалось, что пара деревьев слева теперь была на несколько шагов ближе к узкой тропинке, которую они избрали для путешествия. Небольшие лошадки путников тревожно фыркали.

– Будто тихие, едва уловимые шаги? – откликнулся ехавший впереди Валеад.

– Именно, – девушка сглотнула. В городе она всегда знала, чего ожидать от его обитателей, но здесь, среди коварных топей, уверенность улетучивалась. Даже присутствие наставника не спасало.

– Тебе нечего страшиться, девочка. Это крадущиеся древа. Они безобидны.

– Никогда о них не слышала.

– Мир огромен, девочка, и скрывает множество чудес. Крадущиеся древа всегда ищут источник воды. Если он иссякает, они вытягивают корни из земли и отправляются туда, где их снова будет питать родник. – Валеад обернулся и ободряюще улыбнулся. – Мы прибудем в Падаль через несколько часов, а потому, Аристея, я прошу тебя: ни одного упоминания о мизерикордии и колокольчиках. Мы – странствующие

лекари, которые пытаются помочь несчастным душам, – наставник посерьезнел.

– Да, доминус, но… – девушка на мгновение осеклась. – Если мази, припарки и отвары не в силах помочь бедным людям, почему я не могу попросить у вас колокольчики и вдохнуть в несчастных жизнь? Для чего вы учите меня, если я не могу использовать эту силу? – голос Аристеи слишком громко звучал в густом лесу. Валеад вздохнул и крепче сжал поводья.

– Потому что, дочь Ицилии, – с нажимом сказал Валеад. – Эклессия ищет нас, Аристея, а если эклессия хочет что-то найти, она найдет. Уж я-то знаю не понаслышке. Скольких еретиков я отыскал для понтификара Мортоса, сколько раз те, кто только открыли в себе мизерикордию, отправлялись за мной в казематы братства Погребения, – голос Валеада дрожал. Ненависть, тлеющая глубоко внутри, была готова выплеснуться наружу. – Ни один не вышел обратно в угоду тому чудовищу, что зовется понтификаром Мортосом.

– Тогда почему люди служат ему? Почему круциарии позволяют помыкать собой? Почему позволяют казнить невинных? Мизерикордия ведь всесильна! – Аристея нагнала учителя. Глубокая печаль затаилась в уголках глаз. Казалось, она была готова разрыдаться.

– Железная длань и длань дающая. Отврати глаза народа от врага внутреннего и милостиво бросай объедки руками эклессиаров. Посмотри мне в глаза, Аристея! – Валеад схва-

тил девушку за руку и притянул к себе. Лошади почти касались друг друга гривами. Нечасто ученица слышала гнев в голосе наставника. Сердце застучало чаще, страх сковал тело. – Нет ничего всесильного! Я тоже думал, что мизерикордия способна на все, и благодаря этим убеждениям я лишился глаза. Меня ищут псы эклессии, и теперь я всего лишь беглец, который пытается спасти дерзкую девчонку, которая думает, что на свете существует нечто всесильное! Мизерикордия не сильнее силентиаров, и уж тем более не сильнее понтификара Мортоса. Если ты будешь думать, что мизерикордия способна на все, ты очень скоро погибнешь. И дело будет не в том, что ты плохо или хорошо освоила ее, нет-нет! Тебя погубит самонадеянность и гордыня. – Видя, что по щекам девушки заструились слезы, Валеад смягчился. – Никогда не надейся на силу извне, всегда ищи силу внутри себя, девочка. Прошу, не повторяй моей ошибки. – Аристея не ответила ничего. Лишь позволила наставнику снова ехать впереди. Рыдания все еще сотрясали хрупкую фигуру, но девушка понимала, что Валеад прав.

* * *

День медленно близился к завершению. Кроны могучих деревьев закрывали небосвод, погружая болото в алый тревожный полумрак. С севера задувал холодный ветер, заставляя ветви двигаться, будто деревья были живыми.

Валеад снова оглянулся. Со времени последнего разговора утром девушка не проронила ни слова. Она опустила голову и полностью ушла в свои мысли. Когда Валеад снял с пояса колокольчики, мелодичный звук привлек внимание Аристеи. Она встрепенулась и вопросительно взглянула на наставника.

– Ты очнулась, девочка? Хвала Скорбящему, я думал, ты так и будешь считать волоски в лошадиной гриве, – усмехнулся Валеад. Девушка скорчила гримасу и запустила в доминуса сорванным с ветки орехом. Промахнулась.

– Мы приближаемся? Не хочу провести еще одну ночь без сна в этом ужасном месте, – поежилась Аристея. В голосе сквозила усталость. Валеад поднял колокольчики и качнул рукой. Зашептал псалом. Нити сигила Клеа устремились сквозь мрачную чащу на поиски жизни. Через мгновение Валеад выдохнул и обернулся к ученице.

– До Падали не более часа пути. Людей не больше пары дюжин. – Колокольчики отправились в сумку. Валеад плотно замотал их тряпьем. – Это последний раз, когда я использую мизерикордию до того, как мы отправимся обратно. Мы должны кое с кем встретиться в этой богом забытой деревушке, и, признаться, я не уверен в нем.

– Кто нас там ждет, доминус? Если вы ему не доверяете, может, вообще не стоит с ним встречаться? Пополним запасы и отправимся на восток, в Джарсос. У вас же там есть друзья? – обеспокоенно спросила Аристея. В глазах девуш-

ки вновь заметался страх.

– Боюсь, Соркас Святоша и его длинный язык нам нужны. Он втерся в доверие к эклессии и может сказать, что известно лорду Эшералю и кого из силентиаров послали за нами. – Валеад снял с пояса кинжал и протянул девушке. Аристея приняла оружие и поспешно спрятала его в широком рукаве. Сталь неприятно холодила кожу. Перед тем как они покинули эклессию, Валеад настоял, чтобы она облачилась в скромное черное платье, дабы не обращать на себя лишнего внимания мужским костюмом. – Соркас – талантливый лжец, но он всегда был падок на деньги. Не могу ручаться, что эклессия не переманила его на свою сторону. Кинжал может тебе понадобиться, но, повторюсь, не вздумай использовать мизерикордию! – повысил голос Валеад. – Если Соркас продался, то охотник быстро найдет нас. Он знает, что я его почую, а потому будет осторожен, не покажется до самого конца. Если нам придется бежать, то будем искать спасения в руинах эклессии. Ты все поняла, девочка?

– Поняла, доминус. И все же, может, отправимся в Джарсос, минуя Падаль? Стоит ли эта встреча риска? Если вас схватят, кто нанесет мне оставшиеся сигилы? Кто поможет? Одна я точно сгину в этих ужасных болотах. – Беспокойство охватило Аристею. Она не могла взять себя в руки с тех пор, как они покинули эклессию.

– Без вестей из столицы я не смогу придумать не обреченный на провал план. Если не знать, что от тебя нужно эк-

лессии и силентиарам, мы будем бродить впотьмах, девочка. Как бы мне ни хотелось избежать встречи с Соркасом, знания об охотниках важнее. Ты выживала в трущобах Левантии, даже не подозревая о своей силе, Аристея. Без меня. Если я умру, не закончив нанесение сигилов, тебе нужно будет добраться до Джарсоса и отыскать Арвида Тысячу Имен. Он помогает беглецам. – Валеад тепло улыбнулся, попытавшись прогнать мрачное настроение. Аристея лишь сильнее опустила голову.

– Зачем вы мне это говорите, доминус? Если будет нужда, мы отправимся в Джарсос вместе. Уж вы-то измыслите что-нибудь хитрое, дабы сбить эклессию со следа, – горячо проговорила девушка. – Сейчас мы мило поболтаем с этим Соркасом, переночуем у одного из сервусов, а утром купим свежих припасов и отправимся обратно, и никакие силентиары за нами не погонятся.

– Я всю дорогу молюсь Скорбящему, чтобы так и было. А теперь помолчи, мы приближаемся. – Копыта лошадей хлюпали в болотной грязи. Миазмы топей раскрывались множеством отвратительных запахов. Едва заметные багровые отблески заходящего солнца почти пропали. Ветер налетел на путников с новой силой, развевая полы дорожных плащей и забирая тепло. Из-за стволов деревьев показалось несколько вытянутых изможденных серых силуэтов. За их спинами виднелись корзины со сгнившими колосьями, порчеными овощами и пропавшим мясом. Четыре руки, выраставшие

из деформированных туловищ, сжимали ржавые серпы. Лица чудовищ скрывали вытянутые остроконечные капюшоны, из-под которых доносился жуткий вой.

– Проклятье, мы не успели. Грехи голода пробудились. В галоп, Аристея, в галоп! – Валеад оглянулся, но девушка остановила лошадь и завороженно смотрела на все новые и новые фигуры, выходящие из чащи.

– Там мама! – Девушка вскрикнула, когда лошадь поднялась на дыбы, заржала, скидывая ее в грязь, и бросилась в глубь леса. Аристея поднялась и медленно пошла в сторону чащи. Вытащив кинжал, девушка отбросила его в кусты.

– Не бойся, мамочка, я тебя не обижу. – Аристея медленно шла к деревьям. Силуэты неумолимо приближались, хрипя и стеная на все лады.

– Нет! – Валеад развернул коня и бросился обратно. Кровь стучала в висках, сердце бешено колотилось, стук копыт пытался заглушить вой грехов. Одна из фигур почти коснулась девушки ржавым серпом, но Валеад схватил Аристею и рывком поднял на круп. – Держись! – Конь несся через сумеречный лес, а из-за деревьев выходили все новые и новые грехи. Безмолвными фантомами следовали они за ними. Впереди замерцали голубоватые огни, а Валеад все быстрее и быстрее гнал скакуна. «Благословенное пламя! Грехи через него не пройдут!» – тревожные мысли терзали разум доминуса.

Спустя несколько ударов сердца беглецы выскочили на поляну. В глаза ударил яркий свет луны, ослепив Валеада.

Он натянул поводья, останавливая коня, и оглянулся. Окружавшая поляну чаща затихла. Мелодичную песнь цикад прервал грубый голос:

– Эй, вы там, мужик с девкой! Чей-та приперлись к нам в деревеньку? Чей-та молчишь, будто водицы в рот набрал? Пасть раззявливай да говори, кто такие! – В грудь Валеаду уперлось проржавевшее острие. На другом конце копья находился бородатый оборванец, грозно скаливший остатки черных зубов. «Падаль, вот мы и прибыли», – тяжело вздохнул Валеад и приготовился объясниться.

Глава 3
Стальной Лик
Да, ваше ступившее во тьму сиятельство?

– Послушай, Айрус, хватит строить из себя единственного петуха среди кучи куриц. Не скажешь ты, найду другого из легиона лорда Тираля. Три сотни золотых ведисов ты не получишь и за пять лет здешней службы. Так что прекрати воротить нос, будто от старой шлюхи, и скажи, что замышляет его светлость. – В прохудившейся палатке пахло несвежим сеном, застарелым потом и оружейным маслом. За грубо сколоченным столом сидели двое: невысокий человек в клепаном доспехе, капюшоне и стальной маске и воин в потрепанной кирасе.

– Думаешь, что я предам своего господина за желтые кругляши, Стальной Лик? – Мужчина нервно перебирал пальцами по стоявшему рядом шлему. Тот отзывался глухим звуком.

– Я думаю, что зря у тебя вторая рука на рукояти меча лежит, солдатик. Буран за пологом, чтоб он гузно отморозил поганым еретикам, не даст разглядеть, что тут у нас происходит, будь у дозорного хоть шесть глаз. Так что бросай играть храброго святого воина и подумай головой, – человек в маске перегнулся через стол и указал на гербовый щит, который Айрус прислонил к табурету. На левой половине всходило белое солнце, на правой же – черная луна. – Думаешь, своей добродетелью уравновесишь грешки лорда Тираля? Вот только, друг мой, твои собственные грешки уравновешивать некому, – Стальной Лик развел руками.

– Я слышал, что в стане лорда Эшераля завелся болтун,

который слишком много возомнил о себе, но не думал, что он пригласит меня на дружескую беседу, – усмехнулся Айрус, показав гнилые зубы. – Грешки лорда Тираля? Любопытно даже, что это за грешки. Твой господин просто хочет убрать его, потому что наш легион ближе к позициям еретиков, вот и все. Выслуга – дело, конечно, хорошее, но своего командира я не продам.

Злобный северный ветер ворвался в палатку, пригоняя вместе с собой волны снега. Пламя единственного факела заметалось, отбрасывая рваные тени на стенки.

– Уж кому не пристало говорить о грехах, так это грешнику Алой Девы. У тебя ее глаза, – Айрус быстро сотворил двуперстие. – Свезло тебе, что тебя под крылышком патриарх пригрел. Остальных-то эклессия пожгла, я слыхал.

– О, грехов у меня как шлюх во всем Понтификуме, солдатик, а может, даже и больше. Да вот только не обо мне разговор. У тебя же есть дочка в твердыне Альмадор, верно, упрямый ты осел? – Красные глаза за маской сузились, зрачки полыхнули огнем.

– Откуда ты знаешь, мерзавец? – зарычал Айрус. Тихий шелест вынимаемого из ножен меча подсказал Лику, что нужно торопиться.

– Мне или Эшералю твоя Хелия без надобности, уж поверь. Хотел знать, какие за лордом Тиралем водятся грешки? Если бы он как-нибудь пригласил тебя к себе в шатер, когда только и видно, что факелы дозорных в лагере, то твое-

му благородному взору ясно предстал твой обожаемый лорд Тираль в чем он из утробы мамки вылез и девчушка, когда худенькая, когда вполне себе пухленькая. О, кувыркается он с ними знатно, да вот одна проблема – назад в город девочки не возвращаются, – мрачно закончил Лик. Айрус ударил кулаком по столу, шлем с лязгом покатился по полу.

– Как ты смеешь обвинять благородного лорда Гербов в таком гнусном деянии, ублюдок? – Воин поднялся, вынимая меч. Тяжелый фальшион[24] грозно блеснул в свете факела. – Поплатишься за это головой!

Айрус ударом ноги отправил стол в полет, надеясь сбить человека в маске с ног. Тот оказался проворнее. Ловко вскочил с шаткого табурета. Зацепив его носком ботинка, тут же метнул в противника. Трухлявое дерево разлетелось на куски от удара о крепкий щит воина. Этого маневра Лику хватило, чтобы выхватить из-за пояса два коротких клинка. Теперь противники стояли напротив друг друга в боевых стойках. В стылый воздух вырывались облачка пара от частого дыхания солдата и человека в маске. Они выжидали, просчитывали возможности и искали лазейки в обороне друг друга.

– Ох, клянусь юбкой святой Гиниты, не хотел я до этого доводить, – прошептал Лик и, развернув клинки, быстрым движением резанул себя по предплечьям. Мечи упали

[24] Фальшион – клинковое оружие с расширяющимся к концу коротким клинком с односторонней заточкой. Фальшионами вооружены в основном офицеры святого воинства.

на грязную солому. Крови не было. Вместо нее у ран зависли вязкие, будто из смолы, нити.

– Думаешь напугать меня черным колдовством, мерзавец? Не выйдет! – Айрус перескочил через стол, рубанул фальшионом, но Стальной Лик уже отскочил к стенке палатки. Солдат встал в стойку. На широком лбу выступили липкие капли пота. Зубы в унисон с сердцем начали отстукивать бешеный ритм. Не от холода, но от страха, который медленно обволакивал опытного воина. Он услышал шепот на незнакомом ему языке, а в следующий миг увидел, как вязкие черные нити пропали. Затем перед его глазами будто из ниоткуда начала сплетаться темная фигура: изящная женщина, облаченная в изорванное платье. В воздухе поплыл аромат роз. Кровь застыла в жилах Айруса, когда он услышал голос. Тихий, будто молитва в полночь, нежный, будто первый весенний цветок. Голос той, что была ему близка.

– Айрус, милый, почему ты больше не приходишь в дом удовольствий в Альмадоре? Почему не ласкаешь меня? – Она медленно приближалась к застывшему воину, а Лик стоял, раскинув руки, и едва заметно шевелил пальцами.

– Ситэя, нет, не может быть, это наваждение! – Фальшион снова взвился в воздух, рассекая силуэт. Звонкий смех разнесся по палатке, когда две рассеченные половины вновь образовали единое целое.

– Этой рукой ты задирал мне подол и проникал внутрь, мой грозный воитель. – Вот уже призрачная рука тени лежит

на запястье, которое держит клинок. Айрус кричит, пытаясь вырваться, но прошлое не торопится отпускать.

– Что ты за тварь? Отпусти меня, отпусти-и-и! – орал воин, бешено молотя щитом по призрачному лицу, по тонким рукам, по распоротому животу, но все тщетно.

– Я – твой грех. Грех похоти, мой милый Айрус. Прекрасная Ситэя, блудница, продажная девка. Как сладко тебе было заниматься со мной любовью на вонючих перинах. Как улыбался ты, когда вспорол мне живот, чтобы твоя дорогая женушка ничего не узнала. Этой самой рукой, которая и сейчас держит меч, – губы убийцы шевелились под маской, подыскивая нужные слова, которые ранят больнее всего.

Все произошло в мгновение ока. В воздухе зависла кровь, когда оторванная рука Айруса ударилась о полотняную стенку, оставив красное пятно. Воин завыл, отшвырнул щит и бросился прочь из палатки в ужасную бурю, пятная снег кровью. Обернулся, пытаясь найти взглядом невесомую черную фигуру. Не нашел.

Боль захлестнула сознание, когда что-то распороло кирасу и выставило на обозрение серым тучам его внутренности.

– Редеморум[25], – прошептала стоявшая над ним Ситэя.

В следующий миг ее губы тронула печальная улыбка, и грех начал истончаться, распадаясь на отдельные нити, которые подхватил жестокий ветер и унес с собой к далеким горам. Глаза Айруса стекленели, жизнь утекала из тела крас-

[25] Редеморум – со священного ведэнийского языка – «искупление».

ными ручейками.

– Редеморум, солдатик, – рядом с умирающим присел на корточки человек в стальной маске. Вязкие нити все еще свисали с ран на руках, постепенно возвращаясь в тело убийцы. – Сраные принципы, солдатик, сраные принципы довели тебя до смерти в снежной пустоши на плато Заката. Ради чего? Ради защиты конченой мрази, а мог бы сейчас проставить подчиненным эля, чтобы те выпили за своего нового командующего – лорда Эшераля. Упрямый ты, солдатик, – Стальной Лик вздохнул и поднялся на ноги, глядя сверху вниз на умирающего. В красных глазах не было ни сожаления, ни упрека, ничего.

– Сд… Сдохнешь, слуга Алой Девы, – простонал Айрус.

– Ох, это уж навряд ли, солдатик. Передавай привет моей госпоже, если свидишься с ней.

Айрус ничего не ответил. Жизнь покинула его тело, а остекленевшие глаза смотрели на удалявшегося человека в стальной маске, которого скрыла от глаз снежная пелена.

* * *

Разгулявшийся на плато Заката буран не мог проникнуть за полог просторного шатра. Стоявшие у входа латники молча кивнули ему и пропустили вперед. Нагрудники воинов покрывала тонкая ледяная корка, и человек в стальной маске мог поклясться, что слышал перестук зубов.

Лик отдернул второй, расшитый золотом и жемчугом, полог и скривился, почуяв запах благовоний. Деревянный настил укрывали дорогие ковры, стенки украшали гобелены, изображающие святых, держащих в руках щит, на котором проступало изображение косы под колоколом. Пламя жаровен, стоявших по углам, освещало окованные серебром и золотом сундуки, отбрасывало багровые отблески на большую резную кровать с балдахином. Над одним из украшенных изящной резьбой столов склонился высокий человек.

Длинные смоляные волосы спадали на отороченный мехом плащ. На черном шелковом сюрко[26] серебряными нитями рядами были вышиты косы. Длинные рукава покрывали буквы, складывающиеся в надпись «Пожнем силу». На белоснежной котте[27] проступал герб. С серебряного, украшенного драгоценными камнями пояса свисал десяток колокольчиков.

– С возвращением, Лик. Ты исполнил мое поручение? – голос мужчины был ровным и холодным, будто свежевыпавший снег. Высокий человек указал на убийцу правой рукой в белой перчатке. На тонком указательном пальце покоился массивный серебряный перстень с ониксом.

Лик замялся и взглянул на безмолвную фигуру, закован-

---

[26] Сюрко – длинный и просторный плащ-нарамник.

[27] Котта – туникообразная верхняя одежда с узкими рукавами. Обычно надевается поверх доспехов фортисами. На коттах изображают гербы орденов и прикрепляют свитки с молебнами.

ную в латы, которая стояла подле лорда. Открытый шлем демонстрировал уродство телохранителя лорда Эшераля: постепенно отслаивающаяся серая кожа и ужасные шрамы выдавали в нем больного серой хворью.

– Оно вроде как и да, а вроде как и нет, лорд Эшераль, – произнес вслух убийца, а сам подумал: «Вот же ж, напридумывали себе правил. Нет бы перчатку и на вторую руку натянуть, чтобы не мерзла, так нет же. Лорды и леди Гербов передают сервусам лишь благодетели. Ну что за чушь!»

– Дай однозначный ответ. Да или нет? – Лорд прошел к шкафу, и на столе оказался серебряный графин вместе с парой искусно сделанных кубков. Телохранитель шагнул следом, звякнув металлическими пластинами. Казалось, каждое движение доставляло этому человеку невыносимую боль, но он каким-то образом держался. Рука в латной перчатке лежала на рукояти широкого клинка.

– Не тяни. Как говорил Блефаро Пороки Порицающий, «нерешительность есть источник отравления души». Верно я говорю, Фелиций?

Воин лишь кивнул. Без языка ему трудно было что-то ответить. Так поступали со всяким больным серой хворью, думая, что его слова могут перенести проклятие на других.

– Я-то с солдатиком встретился, да он, окаянник, не захотел Тираля продавать. Преданным, ублюдок, оказался. Ну, теперь-то досточтимому лорду преданность мертвеца ни к чему. – Лик по обыкновению хотел сплюнуть, но, взглянув

на телохранителя, сдержался.

– Весьма прискорбно, что этот солдат проявил такое редкое качество к отпетому мерзавцу. Военные заслуги очень часто застилают глаза подчиненным, и они готовы превозносить своего командира только за кровавые дела, которые он творит, – Эшераль вздохнул и разлил вино по кубкам. – Присаживайся, мой верный Лик. Вино из левантийских погребов доказало свою полезность при разговорах с тобой. Надеюсь, что нынешним вечером твоя светлая, в отличие от души, голова начнет работать уже после первого глотка. Не хочется изводить такой чудесный напиток полностью.

Лик не мог разобрать в голосе лорда и тени эмоции. Только холодная властность, которая пробирала до костей.

– Уж от кубка левантийского я бы не отказался, даже будь у меня в жопе раскаленный прут.

– Уверен, даже если бы я не вступился за тебя перед понтификаром, ты и на очищающем костре не отказался бы от кубка левантийского, – в голосе лорда промелькнула насмешка. – Однако твои деяния доказывают, что среди остальных ты оказался лучшим.

– Само собой, лорд Эшераль, я – лучший среди грешников Алой Девы, потому как последний, – хохотнул убийца. Фелиций издал странный булькающий звук, который должен был служить смехом. – Так над чем моя светлая головушка должна поразмыслить? – Лик сел напротив Эшераля и немедленно схватил кубок. Над человеком в маске тут же

нависла грозная фигура телохранителя. Лик и бровью не повел. Так было постоянно, когда они с лордом беседовали по душам. В нос ударил приятный ягодный аромат. Нитус сотворил двуперстие.

– «Словами благими, к Скорбящему обращенными, измените вы жизнь свою к лучшему». Так рек Эорус, Страж Чистоты. Прежде чем мы перейдем к делам, тост, – Эшераль поднял кубок. – За дела праведные, дабы сталь освященная и укрощенная мизерикордия помогли уничтожить еретиков, – кубки соприкоснулись, их звон на мгновение принес в монотонные завывания бурана толику радости.

– Ну и чтоб сапог светлейшего лорда Эшераля дал мощного пинка по заднице вождя этих уродов, этого Хагранда, бочку конских яблок сожравшего! – расхохотался Лик.

– Хотелось бы, чтобы твой тост звучал менее вульгарно, но я с ним соглашусь, – Нитус едва заметно улыбнулся. – Теперь о делах. Времени искать того, кто продаст Тираля, нет. Нужно окончить его жизнь сегодня. Буран дал нам передышку. Даже еретики не настолько глупы, чтобы использовать Певчих в такую ночь, – Эшераль погладил аккуратную бороду и постучал пальцами по столу. – Значит, Тираль будет отсиживаться в своем шатре на западной оконечности лагеря. Я слышал, что вместе с припасами из Альмадора прибыла еще одна девочка для его отвратительных утех. Поэтому Тираль будет скучать, а если этот мерзавец скучает, значит, он предается пороку.

– Зачем убивать хорошего военачальника? Пускай засовывает свой хер хоть в прорубь, нам-то какое дело? Слыхали, как он разбил этих выродков на утесе Авлия? – Лик откинулся на спинку стула и принялся чистить ногти кинжалом. Клинок Фелиция едва заметно выдвинулся из ножен.

– Вот поэтому ты, Лик, и не можешь увидеть всей картины целиком. Быть может, успехи Тираля в битвах и выглядят многообещающими, но ты не знаешь причин. И дело отнюдь не в его навыках командующего. – Эшераль сцепил пальцы в замок и пристально посмотрел на человека в маске, будто раздумывал, стоит ли продолжать рассказ. Наконец тонкие губы снова пришли в движение. – Этот мерзавец заключил соглашение с еретиками. Предатели позволяют ему обращать в бегство небольшие силы до поры до времени. Как только за боевые заслуги, за отменное командование, за крохотные потери ординарий-воитель[28] пожалует ему звание командора и позволит вести в бой еще один легион, Тираль заведет наши силы в расставленную еретиками ловушку. Потеря двух легионов – серьезный удар для Понтификума. Возможно, мы уже не сможем пробиться к Умбриуму и тем сокровищам, что скрывает эта гора. Да и у тебя работы поубавится, друг мой. – Эшераль вновь разлил вино по кубкам.

– Что ж, предположим, что вы самый честный среди лордов и леди, хотя, положа руку на свое черное сердце, скажу, что честных лордов не бывает, – усмехнулся Лик. – Такая

[28] Главнокомандующий святыми легиона Понтификума и правитель твердынь.

складная исповедь получается о предательствах развратника Тираля, но уж если я своей соломенной башкой могу понять, что предавать Понтификум – это как навоза похлебать, то что могло заставить патриарха второго Герба решиться на такое? Тем более что ему могут предложить сраные еретики? Вонючие шкуры и ржавые доспехи времен Ламентарума? Хотя, зная его пристрастия, я бы поставил на ночь со всеми грешками разом, – Лик снова хохотнул и вопросительно посмотрел на лорда. Эшераль ответил ему долгим взглядом, от которого убийца поежился.

– Силу. Людей, насытившихся богатством, можно привлечь лишь обещаниями силы, – ответил Эшераль, а телохранитель кивнул, уронив на плечо Лика несколько отслоившихся кусков кожи.

– За два легиона святых воинов они обещают вдохнуть в Тираля силу, в сравнении с которой мизерикордия – это нечто незначительное. Как насекомое перед человеком, – Нитус свел вместе большой и указательный палец, растирая несуществующего муравья.

– Если такая сила и впрямь существовала бы, то еретики давно бегали бы по всему Понтификуму, оскверняя святыни и вопя на своем мерзком языке, – развел руками Лик.

– Летописи говорят, что аккурат перед Погребением, которое оставило Ламентарум в руках безумцев, одержимых грехами, еретики спустились в глубины Умбриума и отыскали силу, которая помогла Алой Деве управлять грехами. –

Эшераль отпил вина и посмотрел сквозь собеседника на полог. Колокольчики на поясе лорда едва заметно дернулись, а Лик уловил отрывистый звук. Через мгновение ткань откинул один из святых воинов, громыхая тяжелыми доспехами.

– Мой лорд, – взгляд солдата скользнул по Лику, и он замолчал.

– Можешь продолжать. В присутствии Фелиция и Стального Лика дозволяется говорить, – Нитус лениво махнул рукой.

– Лорд Тираль у себя в шатре и велел никому не беспокоить его сиятельство до утра. – Воин сотворил двуперстие и скрылся в ночи, вновь пустив неуемный буран внутрь. Эшераль извлек из внутреннего кармана котты кусок кожи, на котором были выцарапаны тонкие символы.

– Это послание подтверждает мои догадки. Мы нашли его на теле одного из командиров еретиков.

– По мне, так закорючки какие-то на куске свинячьей кожи, – протянул Лик, недоверчиво осматривая доказательство предательства Тираля.

– Это закорючки для того, кто не знает запретного языка еретиков – малефикарума. Покажи я это ординарию-воителю, голова Тираля в мгновение ока слетит с плеч. – Лик почувствовал в лишенном эмоций голосе удовлетворение. Или, быть может, ему просто показалось.

– Тогда к чему все эти хитрости? Сдайте его, и дело с кон-

цом. В руках экзекуторов[29] эклессии он хлебнет горя побольше, чем от обычного клинка, который перережет его лебединую шейку.

– Ах, Лик, мой верный Лик, я пытаюсь избавить святое воинство от маловерных. Убей Тираля без лишнего шума и оставь на его теле этот кусок, как ты выразился, свинячьей кожи. Как только тело обнаружат, в дело вступлю я. Объявлю о предательстве Тираля и раз и навсегда отучу остальных командиров заключать сделки с еретиками, потому что несчастного, заблудшего лорда Тираля прикончил мерзкий убийца-еретик, – Эшераль свернул послание и протянул Лику. Тот хмыкнул.

– Ох, дорогой мой лорд Эшераль, позвольте мне выразиться вульгарно. Вы планируете бочки с застоявшейся ослиной мочой превратить в бочки отменнейшего эля. Клянусь юбкой святой Гиниты, влезли вы в помои по меньшей мере по пояс. Не боитесь испачкать дорогущий наряд? – Лик поднялся и изобразил издевательский поклон.

– Придется ступить во тьму, чтобы вытащить нечестивцев на свет, – мрачно произнес Эшераль. – И, Лик. – Убийца уже собрался было уходить, но лорд остановил его.

– Да, ваше ступившее во тьму сиятельство?

– Не используй греховные нити. Я знаю, что в окружении Тираля есть опытные круциарии, они быстро тебя найдут.

---

[29] Экзекуторы – служители эклессии, искореняющие инакомыслие и ведущие борьбу с колдунами и пособниками еретиков внутри страны.

Сам понимаешь, ни я, ни Фелиций тебе помочь не сможем. – Эшераль отпил вина и пристально посмотрел на Лика. Телохранитель покачал головой и паскудно улыбнулся.

– Будьте покойны, я и без них смогу прикончить Тираля. Уже можно идти облачаться в страшного еретика?

– Последнее: ты направил за моей дочерью людей?

– Да чтоб меня Алая Дева трахнула, если я не отправил лучших ребят. Они как раз должны прибыть в Альмадор, а оттуда сразу отправятся на восток. Доставят вашу дочурку из топей, даже платье не замарают.

– Прекрасно, Лик, прекрасно. Можешь идти. «Дай грешнику сразить грешника, дабы праведник восторжествовал», – Эшераль задернул за убийцей полог и зашептал молитву.

Глава 4
Менд Винум
Я по делу

Менд пробудился с рассветом, приученный открывать глаза с первыми лучами солнца. Руки привычно открыли

ставни, прокрутили ворот колодца, зачерпнули воду, разожгли очаг и приступили к приготовлению нехитрого завтрака. Эти простые действия не требовали участия рассудка, и юноша полностью ушел в мысли о ночных кошмарах, которые стали его частыми спутниками со дня казни отца. Только сев за стол, Менд понял, что приготовил завтрак на двоих. Опять. Силы сегодня понадобятся, но аппетита нет. Вчерашняя встреча в катакомбах заброшенной эклессии, имя того, кто обрек отца на смерть, и все новые и новые вопросы не давали разуму полностью осознать, что начался новый день.

Далекий звук торопливых шагов отвлек сына палача от мрачных мыслей. Так могли стучать только деревянные башмаки Ориса. Менд поднялся, чтобы отпереть ворота, и бросил взгляд на глиняные миски. Старик всегда выглядел изможденно, а выбрасывать еду юноша не привык.

Хмыкнув, Менд распахнул створки как раз к моменту, как помощник показался из-за поворота. Орис будто не спал ночью, и это делало его лицо еще более кислым, чем обычно. Впрочем, сыну палача не впервой было видеть старика таким.

– Есть новости? – спросил Менд, возвращаясь к крыльцу и поднимая взгляд к небу. Серые тучи развеялись, и впервые за несколько недель над Левантией сияло солнце, согревая промерзший город.

– Архисанктум прислал в узилище братства записку. Требует вас по личному делу. – Орис следовал за молодым че-

ловеком по пятам. – Зайдете к нему?

Если Менд и собирался вновь встретиться с архисанктумом, то помощнику об этом знать не следовало.

– Может быть, – юноша обернулся в тот момент, когда старик поспешно отводил жадный взгляд от мисок с едой. Похоже, голод – постоянный спутник Ориса, а гнусные и кровавые события никак не мешают желудку старика урчать.

– Можешь взять еду со стола, – Менд не глядя махнул рукой. Он был уверен, что правильно истолковал взгляд помощника. Алчный, голодный. Старик только и ждал, чтобы наброситься на еду, но страх перед сыном палача сдерживал его. Брови Менда едва заметно приподнялись, когда вместо благодарности Орис вдруг начал причитать:

– За мусор меня считают, уроды, платят гроши! Каждый мелкий служка тычет в меня пальцем и кричит, что я объедками питаюсь! Крыс на ужин ловлю, человечиной не брезгую… Но я им покажу! Не дождутся! Нет, мастер Менд, не дождутся! – Он брызгал слюной и потрясал кулаками. Злобные крики бывают крайне утомительными, а потому Менду надоело выслушивать их. Старик так ненавидит весь мир, что даже ради собственной выгоды не может вести себя как подобает. Каким бы крепышом Менд ни был, работать в подземельях братства Погребения без помощника утомительно. «Проклятье, никто больше не согласится помогать палачу, если Орис подохнет. Что ж, придется сделать так, чтобы старик жил», – в голове юноши ворочались мысли.

Схватив помощника за шею и заставив подавиться ругательством, сын палача подтащил его к столу и швырнул на лавку.

– Садись и ешь. Молча. Или мне силой еду тебе в глотку впихнуть?

Менд ожидал новой порции плаксивых воплей и приготовился было выполнить угрозу, но Орис, принюхавшись, схватил костлявой рукой кусок хлеба и начал торопливо жевать, давясь от жадности.

Юноша отвернулся, взял в руки дневник отца, что лежал на каминной полке, и начал торопливо листать его, чтобы отвлечься от бесконечного чавканья. Наконец звуки позади стихли, и торопливый стук деревянных башмаков дал понять, что старик вышел из дома. Ни единого слова благодарности. Впрочем, Менд был к этому привычен. Вскоре снаружи послышался стук нескольких камней о деревянные доски забора рядом с мусорной ямой и быстро оборвавшийся писк. Старик промышлял крысами? Может, готовит дичь впрок? Должно быть, ему и вправду нечего есть. Менд убирал пустые миски и размышлял. Может, накрывать на двоих – не такая уж плохая идея?

Дверь снова открылась, и на фоне утреннего неба лучи солнца высветили тонкий силуэт. Зеленое платье, пушистые волосы, нежная шея. Когда сын палача был мальчишкой, он часто вспоминал мать. Отец говорил о ней лишь то, что она была красавицей и бросила их, когда Менду исполнилось

семь. Он этого почему-то не помнил. За всю жизнь юноша едва ли успел ощутить женские прикосновения, но часто воображал, что мама никуда не уходила, что она с ним, представлял в тяжелые минуты, как ее нежные руки обнимают его, гладят по голове, и мир становится чуть светлее. Однако в мечтах он никогда не видел ее лица – только неясную фигуру и тепло, которое она должна принести с собой, а еще слышал голос. Далекий и переливчатый, будто весенний ручей.

Сейчас Менд чувствовал нечто похожее, но ярче и острее. Он слышал запах трав, молока и грубой шерсти, замечал, как ветер трепал выбившуюся из косы прядь, а солнце высвечивало бледные веснушки на нежной коже лица и рук.

Сын палача вынырнул из мыслей, почувствовав острый, будто укол, взгляд. Незнакомка смотрела на него настороженно, если не враждебно.

– Что ж, ты смелая. Местный люд боится даже мимо проходить. Нездешняя? – Менд облокотился на каминную полку и скрестил руки на груди.

– Здешняя. И я по делу, – девушка вздернула маленький круглый подбородок. На вид ей лет шестнадцать. – Мне уже бояться нечего. И некого.

– Тогда проходи. – Горьковато-сладкий запах ее волос защекотал ноздри, когда она проскользнула внутрь. Своими повадками и огромными испуганными глазами она напоминала олененка – хрупкое существо, настороженное и готовое

в любой момент кинуться прочь. Девушка с опаской осмотрела комнату и заметно расслабила узкие плечи, когда поняла, что все в порядке. Наверное, ожидала увидеть повсюду части жертв, пыточные инструменты и ужасы, которыми пугают друг дружку местные дети, утверждая, что смогли заглянуть в мутные окна и узреть все своими глазами.

– Хорошо… – Она поджала губы и опустилась на кухонную лавку. Ни холодной вежливости, ни боязливой угодливости, с которой обычно обращаются к палачу люди. – Вы мне поможете.

– Почему ты думаешь, что я захочу помочь?

Ответила она далеко не сразу. Задумалась, будто цель ее визита в палаческий дом упорхнула из памяти.

– Папина казнь – худшее, что случилось в моей жизни. Но я верю, что у каждого есть возможность исправиться. Я пришла к вам, потому что вы можете искупить причиненное моей семье зло тем, что сделаете правильную вещь. – Менд увидел отчаянные глаза девушки и узнал огонь, который полыхал в них. Огонь настойчивого желания человека, жизнь которого в одночасье потеряла смысл, вновь обрести его. Сделать нечто значимое, нечто правильное.

Что-то в глубине юноши, некий росток, измученный и истерзанный событиями последних месяцев, отозвался на голос гостьи, будто на капли дождя. Однако Менд должен задать ей вопрос. От ответа зависит, будет ли он дальше слушать этого пугливого олененка.

– Почему ты была в ссоре с отцом?

В ответ девушка вспыхнула ярким болезненным румянцем и отвела взгляд, но Менд успел ухватить выражение больших глаз. Слишком часто он читал такое же выражение в глазах преступников – боль. Незнакомка молчала, и юноша понял, что ответ, независимо от того, будет он ложью или правдой, дорого ей обойдется.

– Неважно, можешь не отвечать.

Она поморщилась и с усилием подняла на Менда виноватый взгляд, но сын палача рассмотрел за виной скрытую ненависть. Обычно она была направлена на Менда, но юноша чувствовал, что сейчас все по-другому.

– Был один парень. Очень мне нравился… Учил меня грамоте. Папа узнал про нас и очень рассердился. Испугался за меня, и я его понимаю… – Она прерывисто вздохнула и продолжила уже твердым голосом: – Мы с папой тогда ужасно поссорились, и я убежала в город, к бабушке. Потом вернулась… Я… В общем, больше с тем парнем мы не виделись.

Менд кивнул, принимая и обдумывая ее ответ.

– И чего ты от меня хочешь?

– Несколько дней назад вы казнили моего папу. Казнили за преступление, которого он не совершал, – незнакомка помедлила. – Да, он иногда утаивал от лорда добычу, чтобы прокормить нас в тяжелое время… Но он не был глуп, чтобы попасться так просто.

– Ты говоришь, что он не убивал того оленя в день охоты

лордов? – уточнил Менд, немного сбитый с толку. В конце концов Дирус Синяя Морда был браконьером, уж это он знал точно. Егерь сам в этом признался.

– Папа знал, каким путем поедут охотники. Он был очень, очень осторожен. Да разве браконьер оставит кровавый след, который приведет прямо к его дому?! Просто кто-то хотел, чтобы люди лорда Дераля его схватили! – Девушка свято верила в свои слова. Сказать по правде, звучали они вполне разумно.

В голове Менда возник глаз из цветного стекла, поблескивающий в свете факела. Нет, он не мог быть лордом Гербов. С другой стороны, юноша так и не виделся с тем, кто обвинил Дируса. Егерь был браконьером, да, однако Дируса казнили как Мучителя, за неимением другого преступника. В груди Менда всколыхнулся интерес. Что-то здесь не сходилось.

– Отец назвал тебе виновного?

Девушка покачала головой.

– Папа ничего мне не говорил. Он очень осторожный… был, с чужими людьми не общался особо. Зимой к нам с севера приезжал дядя, папин младший брат, и они охотились вместе… Он сервус в башне одного из лордов Гербов, но на севере пепел засыпает и без того скудные посевы. Люди голодают, и папа помогает… помогал ему. Дядя не очень хороший охотник, – она замолкла и принялась нервно потягивать концы шали, наброшенной на плечи. Собравшись с мысля-

ми, девушка все же вернулась к делу:

– Но я хорошо знаю лес, и папа учил меня читать следы. Прошло уже несколько дней, но дождя не было. Может, тот, кто хотел папиной смерти, оставил там следы? Или у дома… – Она вновь замолкла.

– Ты хочешь, чтобы я пошел с тобой? – недоверчиво спросил Менд. Девушка кивнула, в огромных глазах замерцала надежда. Самое странное – юноше хотелось оправдать эту надежду. Дирус был преступником, но чутье твердило Менду, что в этой истории что-то нечисто. Еще когда он заставлял егеря подписать признание.

Теперь у сына палача появился реальный шанс узнать правду. Дело Мучителя уже начало губить невинные души, и если Менд хотел убраться из столицы, чтобы найти лорда Эшераля, ему нужно было поймать этого выродка. Глядишь, люд успокоится и несколько месяцев в городе будет тихо.

– Значит, ты надеешься отыскать следы и поймать запах того, кто подставил твоего отца? – Эта идея нашла отклик в разуме Менда. Как эхо на брошенный в колодец камень.

– Боишься идти одна? – спросил юноша. – Хотя ты ведь сказала, что уже ничего и никого не боишься.

Девушка гневно посмотрела на Менда, затем медленно ответила:

– Одну меня прогонит новый егерь. Я не боюсь его, просто понимаю, что одна с ним не слажу. Вы поможете.

– Что ж, пойдем, посмотрим на эти твои следы, – сказал

юноша, чувствуя, как тепло принятого решения расплывается внутри. – Но учти, надо обернуться до полудня. Еще одна казнь не будет дожидаться меня.

Девушка на мгновение съежилась, но тут же распрямила плечи, будто пыталась показать, что страх перед Мендом полностью покинул ее.

– Если выйдем сейчас, успеем. Новый хозяин, возможно, и не застанет нас, утром он уходит проверять тропы, – торопливо проговорила незнакомка. Она боялась, что сын палача передумает. Уже в дверях она замерла и обернулась:

– Папино тело. Что с ним будет?

Менд тяжело вздохнул. Он никогда не промышлял торговлей телами, и Дирус был первым. В глазах девушки вновь зажглась робкая надежда на прощание с отцом, но ее прошлой ночью отобрал Менд. Уж лучше она будет считать его чудовищем, как остальной люд. Нельзя открывать истинную причину. К тому же вряд ли этот сверкающий невинностью олененок поймет его.

– Я живу торговлей телами. Покупателей хватает.

Девушка вновь гордо распрямила плечи. Казалось, она ожидала такого ответа.

– Денег у меня нет. Но, может, вы согласитесь взять в уплату бабушкин домик здесь, в Левантии. Это единственное, что у меня осталось.

Менд оглядел четыре стены и потемневший от времени потолок, а затем произнес:

– Зачем мне еще один дом? Дом не прокормит меня, в отличие от золотых ведисов.

Девушка сглотнула.

– Больше мне нечего вам предложить.

– Твой отец вряд ли одобрил бы это, – сказал Менд. – Можешь считать меня лжецом, но последние слова Дируса были о тебе. О том, как ты будешь жить дальше. Без него.

Юноша осекся, заметив, что девушка всхлипывает. Что ж, она может позволить себе всхлипывать.

– Хочешь, чтобы я отдал тело тебе?

Горький всхлип и яростный взгляд подсказали Менду, что девушка едва удерживалась от слез. Она стояла спиной к нему, вцепившись в кольцо, приделанное к двери.

– Откуда вам знать, что хотел отец? Вы ведь пытали его, истязали и били, а в конце вздернули на площади.

– Если бы… – горько произнес Менд. – Если бы я не продал тело, то вернул бы его тебе. Пора выходить, если ты все еще хочешь, чтобы я помог тебе.

Девушка стиснула руки, и Менд заметил алые капли крови там, где ногти пробили кожу. Не сказав ни слова, незнакомка вышла на улицу.

* * *

Палач и его спутница шли вдоль темного фасада знахарской лавки, когда Менд перехватил чей-то вязкий, будто

масло, взгляд. Какой-то толстый купец небрежно кивнул девушке из окна. Она опустила голову, пряча исцарапанные, загрубевшие руки под передник, и зашла внутрь, шепотом попросив Менда подождать на улице. Привычный городской гул отлетал от почерневших от пепла стен домов.

Палач не вслушивался в их разговор, но доносящиеся из окна слова били по ушам, будто ему снова шесть и уличные мальчишки закидывали его камнями. Привычно. Неприятно. Раздражающе.

– Думаешь, если я раньше платил твоей бабке за травы, то буду брать их и у тебя? Ты должна быть счастлива, что тебе доверяют работу подмастерья, а должного усилия я не вижу, – купец говорил прокисшим, будто молоко во время грозы, тоном.

– Я только вчера принесла все, что вы просили. Если желаете, тотчас соберу еще… – Менд почти слышал, как она нервно сжимала пальцы под фартуком.

– …Шляешься с палачом, а потом хочешь, чтобы приличные люди тебя на порог пускали. – Шипение наверняка заставляло спутницу Менда молча кивать.

Еще несколько слов слились в хлесткий звук удара. Менд рванулся к двери. Дочь егеря с алеющей щекой выскочила навстречу и быстро произнесла:

– Короткий путь к воротам через тот переулок, совсем рядом, идемте!

Они отходили от лавки, а Менд слушал, как прерывистое

дыхание девушки постепенно успокаивалось.

– Тебе нужна работа?

– Пока она у меня есть, и я за нее благодарна, – медленно, будто доставая каждое слово из глубокого мешка, ответила девушка. – К осени меня, наверное, выгонят. Кому в работниках нужна дочь преступника? Однако милостью Скорбящего я не пропаду. Многие не имеют и того. Нам не посылают испытаний, которые мы не можем выдержать, так говорит сам понтификар. Он часто бывает здесь. Щедро одаривает хозяина редкими травами и звонкой монетой.

Она верила в свои слова, но стены переулка смеялись над этой верой скрипом старых ставен. Сквозь череду многолюдных улиц Менд с девушкой вышли к воротам Молящегося, а через них пошли дальше на восток, в лес. Город за эти несколько утренних часов измучил сына палача рваными прикосновениями косых взглядов и отгоняющих зло жестов. Люди ненавидели его, и от этой ненависти Менда защищали холодные стены подземелий братства Погребения, бритвенно-острые пыточные инструменты и конопляная веревка. Чем хуже дела в столице, тем больше люди страшатся оказаться в руках палача – даже если за ними нет вины.

Отец Менда всегда говорил, что мнения других не имеют значения, но сына палача мучало то, что его считают чудовищем. Он такой же человек, как и все они.

В отличие от людей, лес не осуждает. Они нырнули под кроны деревьев и скрылись в глубине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.